

РОССИЯ vs. ЗАПАД: вчера, сегодня, завтра

**АНАТОМИЯ
АМЕРИКАНСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА**

Анатолий Ливен

Анатолий Ливен
Анатомия американского национализма
Серия «Россия vs. Запад. Вчера, сегодня, завтра»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11656421
Ливен, Анатолий. Анатомия американского национализма: «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83383-2

Аннотация

Одна из характерных черт внешней политики США последнего времени – противоречивое на первый взгляд сочетание агрессивного экспансионизма с не менее агрессивной ксенофобией. Книга британского политолога Анатолия Ливена, объясняющая этот парадокс, вызвала в американском истеблишменте эффект разорвавшейся бомбы.

Автор подверг беспристрастному критическому анализу одну из главных составляющих американского национального характера – глубочайшую убежденность американцев в своей национальной избранности и уникальности. Это глобальное мессианское самосознание основано на симбиозе патриотизма и национализма, определяющем национальные интересы державы, претендующей на мировое господство.

США патриотично считают свой «символ веры» – систему демократических ценностей и убеждений – универсальным, что позволяет им навязывать его всему окружающему миру. При этом радикальный американский консерватизм способствует формированию уверенности в том, что США являются единственным островком цивилизации в океане варварства.

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
Глава первая	27
Глава вторая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анатоль Ливен

Анатомия американского национализма

Anatol Lieven

America Right or Wrong: An Anatomy of American Nationalism

Copyright © 2004, 2012, 2014 by Anatol Lieven. This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC.

© Мовчан А.Б., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Э»», 2015

* * *

*Посвящается Мише, любимому безумцу, родившемуся 13 августа
2003 года*

*Ах, две души живут в больной груди моей.
Иоганн Вольфганг Гете (Фауст, часть I)*

Предисловие

Появление этой книги отчасти связано с одной беседой, которая состоялась в мае 1989 года в Исламабаде на вечеринке в посольстве США в Пакистане. Я тогда работал внештатным корреспондентом лондонской «Таймс» в этой стране, освещая и пакистанские события, и войну в Афганистане с точки зрения моджахедов. Вечеринка была устроена в честь прибытия американского дипломата, который, насколько мне помнится, до этого никогда не работал ни в Пакистане, ни в какой-нибудь другой мусульманской стране.

Я высказался в поддержку своей коллеги, Кэти Гэннон из «Ассошиэтед пресс», которая раскритиковала политику США по Афганистану. По нашему мнению, массированная финансовая и военная помощь Соединенных Штатов Пакистану, направленная на то, чтобы спецслужбы этой страны по собственному усмотрению смогли оказывать помощь каким-либо группировкам моджахедов, – это чистое безумие, особенно в тот момент, после вывода из Афганистана советских войск. Те вооруженные группировки, о которых мы говорили (как нам тогда представлялось, это в первую очередь была группировка Гульбедин Хекматиара, который после свержения правительства талибов проявил себя как крупный полевой командир, крайне враждебно настроенный по отношению к США), а также их арабские союзники представляли собой не только серьезную угрозу для мирного урегулирования в Афганистане, но были патологически непримиримы к Западу в целом.

На это американский дипломат ответил нам, что благодаря доступу к сведениям из разведывательных источников он лучше знает Афганистан, чем мы оба, вместе взятые. Мы неоднократно бывали в Афганистане с моджахедами, причем Кэти бывала там гораздо чаще и в целом провела там больше времени, чем я, а наш визави вообще никогда там не был. Тем не менее он заявил, что совершенно уверен в том, что афганское движение сопротивления создаст в Афганистане «процветающую демократию на основе свободного рынка». Когда мы не оставили камня на камне от его аргументов, он выдвинул другие: мол, просоветский режим в Кабуле следовало разрушить для «разгрома коммунизма» во всем мире, кроме того, «русские так с нами поступили во Вьетнаме, а теперь мы сделаем с ними то же самое в Афганистане». И наконец, он раздраженно заявил, что из-за таких, как мы с Кэти, «мы и проиграли во Вьетнаме».

В язвительных и гневных обличениях нашего собеседника было много характерных для американского национализма особенностей, о них и пойдет речь в этой книге. К ним относится уверенность высшего руководства наших сил национальной безопасности в том, что, получив доступ к разведывательным данным, они автоматически становятся в высшей степени мудрыми и хорошо информированными, несмотря на многократные доказательства обратного, имевшие катастрофические последствия. Убежденность в том, что моджахеда в состоянии осуществить демократизацию Афганистана, выражает мессианство, основанное на американском «символе веры», наряду с этим она сопровождается полнейшим невежеством касательно всего, связанного с афганской историей, обществом, традициями и реальной действительностью.

Кроме того, позиция этого представителя США выражает не только идеологию, но и глубокое безразличие на грани презрения. Для него афганцы были на самом деле лишь средством в борьбе против Советского Союза, их дальнейшая судьба не имела никакого значения. Эта убежденность впоследствии нашла отражение в политике США в отношении Афганистана после падения Советского Союза – точнее, в отсутствии всякой политики, поскольку эта страна была просто брошена на растерзание группировкам моджахедов, вооруженным и финансируемым Соединенными Штатами и их пакистанскими союзниками. Трудно поверить, но это равнодушие было продемонстрировано вновь после свержения режима тали-

бов, когда американские усилия и средства были тут же направлены на подготовку к войне с Ираком.

Политика в отношении Афганистана в 1980-х годах была завуалирована приторной идеалистической риторикой о демократизации и прогрессе, не имеющей никакой связи с действительностью. Однако, как со всей очевидностью демонстрируют заявления этого дипломата, такая политика по сути дела базировалась на весьма далекой от идеализма смеси грубого и циничного реализма (ставя своей задачей отодвинуть границы советского влияния) и мести за поражение Америки во Вьетнаме. Кроме того, тех на Западе, кто критиковал эту политику, даже проявив свою компетентность по этому вопросу и приверженность Афганистану, заклеили как слабаков и предателей.

В конечном счете безусловным результатом такого отношения США стал приход к власти талибов, их союз с «Аль-Каидой» и события 11 сентября 2001 года. Когда все это произошло вслед за поражением во Вьетнаме, за такой катастрофой должно было последовать серьезное расследование среди политической элиты США относительно не только политики США в прошлом, но и по вопросу о том, какая американская политическая культура привела к появлению такой политики. На деле же, как показало развязывание и проведение войны в Ираке, значительная часть этой элиты совершенно не извлекла никаких уроков из глупости и бесчестия своих прошлых деяний. И не смогла их извлечь прежде всего потому, что ей мешали это сделать некоторые основополагающие особенности американского национализма, те особенности, которым и посвящена эта книга.

Во время битвы за Ютландию в 1916 году, когда три британских крейсера были потоплены один за другим немецкой артиллерией, вице-адмирал сэра Дэвид Битти, командующий эскадрой линейных крейсеров, задумчиво заметил своему начальнику штаба: «Чедвик, сегодня, кажется, что-то не так с нашими чертовыми кораблями», а затем (согласно воспоминаниям свидетелей) отдал приказ нанести по противнику массированный удар. Как отмечали многие критики, Битти следовало бы добавить: «И с нашей чертовой системой». Королевский флот был не в состоянии проанализировать, что же было не так с его системой, и его корабли продолжали тонуть, хоть этой бессмысленной гибели можно было избежать. За последние сорок лет Соединенные Штаты ввязывались в один провальный военный конфликт за другим, как крупномасштабные (Вьетнам, Ирак), так и малые (Ливан, Сомали). Настало время, когда все больше американцев начинают задавать себе именно этот вопрос: что не так с их чертовой системой?

Ни в коем случае не следует рассматривать то, о чем пойдет речь в этой книге, как нападки на рациональный американский национализм (находящийся в пределах разумного) или как критику «войны с терроризмом» в ее первоначальной форме борьбы с «Аль-Каидой» и ее союзниками. В этой книге я намерен привести убедительные доказательства того, что национализм американских граждан представляет собой основную опору американской силы и американского влияния в мире, что американский национализм представляет собой позитивный опыт, на примере которого человечество могло бы многому научиться. Я полностью одобряю военные действия в Афганистане, направленные на разгром талибов и «Аль-Каиды». А решение американского руководства перенести военные действия в Ирак так меня ужаснуло лишь потому, что мне не понаслышке известно, в каком крайне тяжелом положении остались Афганистан и Пакистан после свержения талибов. Я не пацифист и считаю правильным решение о начале войны на Фолклендах и войны в Персидском заливе в 1991 году, а также военной операции в Боснии, и в дальнейшем я всегда буду решительно поддерживать ведение таких войн. Но помимо аспектов правомерности и законности проведения военных кампаний необходимо, чтобы они осуществлялись на основании разумной политической стратегии. Как показывает, в частности, весь процесс американской оккупа-

ции Ирака, ведение там «войны с терроризмом» больше напоминает гротескный апофеоз политической глупости.

Эта книга предназначена в первую очередь для самих американцев. Я надеюсь, что она внесет свой скромный вклад в дискуссию о политике Соединенных Штатов, разоблачив некоторые мифы, заложенные в основу политики США, а также исторические, духовные и идеологические побудительные мотивы, которые управляют образом мысли и политикой США. Однако эта книга будет опубликована не только в США, но и в Великобритании. Кроме того, ее переведут на французский, итальянский, японский и корейский языки, поэтому мне пришлось подробно объяснять некоторые факты относительно США, хорошо известные образованным кругам американских читателей, и я должен принести свои извинения за это.

Мне оказали помощь многие люди, которые щедро делились со мной советами во время работы над этой книгой. Книга вряд ли состоялась бы без неустанной помощи и поддержки Наташи Феарвезер из литературного агентства «А. П. Уотт», которая приложила невероятные усилия, чтобы найти издателей для этой весьма неоднозначно воспринимаемой рукописи, а также всегда оказывалась неиссякаемым источником вдохновения и силы в моменты моего уныния. Тим Бартлетт из издательства «Оксфорд юниверсити пресс», Майкл Фишвик из издательства «Харпер Коллинз» и Шарлотта Кашэн-Либер из издательства «Латте» не только оказали поддержку, но также дали крайне важные советы относительно оформления книги.

Я хочу выразить огромную благодарность Майклу Линду и Стивену Холмсу, которые поделились со мной своими глубокими мыслями об американском наследии и традициях, а также поддерживали мою решимость продолжить работу над этой книгой. Оуэн Харрис, Эндрю Басевич, Билл Мейнс, Том Хьюз, Уильям Пфафф, Норман Бирнбаум, Стивен Уолт, Майкл Крейг, Адам Шац, Джастин Файс, Том Джогеан, Марина Оттауей, Минксин Пей, Роберт Тумс, Эндрю Гумбель, Чарльз Кинг и мой брат, Д. С. Б. Ливен, – все эти люди не жалели времени, чтобы проконсультировать меня по той или иной части моей рукописи. В написании шестой главы, в которой освещаются американо-израильские отношения, неоценимую помощь мне оказал Дэвид Чамберс из вашингтонского Института Ближнего Востока, равно как и Брайан Клуг, Сьюзан Гольденберг, Стивен Беллер и Джеймс Зогби. Безусловно, всю ответственность за приведенные в книге утверждения и доводы я беру на себя. Профессора и преподаватели, а также мои сокурсники из государственного университета Троя (штат Алабама) были очень добры и гостеприимны во время моего пребывания в этом учебном заведении в 1979 году.

Я очень благодарен Джессике Мэтьюз, президенту «Фонда Карнеги за международный мир», за предоставленную мне возможность приступить к созданию этой книги, а также моим коллегам из этого фонда за их помощь и поддержку. Энн Стекер пыталась поддерживать хотя бы видимость порядка в моем рабочем режиме. Рашид Чоудхури и Жанара Наурзбаева без усталости трудились при проведении необходимых исследований. Их интеллект, идеи и видение будущего были для меня большим подспорьем. Аманда Мюллер помогла мне собрать обширную информацию об американской внутренней политике. Особую благодарность хочется выразить Кэтлин Хиггс и сотрудникам Библиотеки Карнеги. Они не только с непревзойденным профессионализмом снабжали меня необходимой литературой, но были при этом весьма терпеливы в общении с клиентом, заявки которого отличались загадочностью и поступали всегда в самый последний момент.

И наконец, мои слова признательности и любви Саше, которая одновременно вынесла тяготы, связанные с рождением ребенка, и пишущего книгу мужа. Все это она выдержала со своей обычной мягкостью и терпением.

Введение

Зрелище столь многих счастливых людей, не знающих ни в чем нужды и при этом испытывающих сильное беспокойство, поначалу удивляет.

Алексис де Токвиль¹

Теракты 11 сентября 2001 года нанесли тяжелую психологическую травму американцам, и, вполне естественно, в ответ на эти события американское общество вернулось к старым, привычным моделям поведения и убеждениям. Одна из таких моделей – это американский национализм, который является воплощением убеждений и принципов, имеющих огромную и непреходящую ценность для Америки и для всего мира, одновременно представляя собой большую опасность. Некоторые аспекты американского национализма таят в себе угрозу как глобальному лидерству этой нации, так и успеху ее борьбы с исламским терроризмом и радикализмом.

Природа этого национализма и его масштабы более, чем любая другая особенность этого явления, повлияли на то, что в начале XXI века США оказались отделенными от Западной Европы, которая в значительной мере уже изжила национализм. По мнению некоторых неоконсервативных писателей-реалистов, причиной характерного для американцев образа действий в мире, а также разногласий между Америкой и Европой является то влияние, которое США имеют в мире, и вытекающая из этого ответственность. Точнее было бы сказать, что это влияние дает возможность Америке совершать те или иные действия. Политическая культура США определяет и собственный образ действий, и реакцию этой страны на поведение других. Большую роль в формировании политической культуры играют различные направления американского национализма.

Поскольку американский национализм переплелся с израильским национализмом шовинистического толка, он совершенно разрушительно действует также и на отношения США с мусульманским миром и способствует, таким образом, активизации террористической деятельности. Можно сказать, что Америка держит семейку демонов в подвале своего великолепного и гостеприимного дома. Обычно эти демоны находятся под контролем, но 11 сентября 2001 они вырвались наружу.

Америка обладает таким влиянием в мире, каким не обладало ранее ни одно государство. Она доминирует в мире не только в военном, но и в значительной степени в культурном и экономическом отношении и извлекает для себя огромную выгоду из такого положения дел на мировой арене. Кроме того, после падения коммунизма как альтернативной модели модернизации общества американская либеральная демократия, основанная на принципах свободного рынка, является преобладающей в мире идеологической системой. Исходя из этого Соединенные Штаты должны были бы защищать существующий международный порядок и распространять свои ценности на основе собственного примера, выступая как гегемон, стремящийся к стабильности. Как бы то ни было, после Второй мировой войны именно Соединенные Штаты играли ведущую роль в создании институтов, которые администрация Буша в период с 2001 по 2003 год стремилась подорвать².

При Джордже Буше Америку заставили играть роль державы, неудовлетворенной существующим порядком вещей и даже склонной к революционности, роль страны, которая сама целенаправленными усилиями подрывает основы собственного могущества. В частности, многие наблюдатели расценили концепцию превентивной войны против потенциальных угроз (взамен упреждающей войны против неизбежных угроз) как существенный сдвиг к односторонней, даже революционной позиции в международных делах, направлен-

ной против существующего расклада политических сил, что больше напоминает Германию времен кайзера Вильгельма до 1914 года, чем викторианскую Британию³.

В этой книге я стремился объяснить, как случилось, что страна, которая после терактов 11 сентября 2001 года могла возглавить союз всех крупнейших стран мира, включая мусульманские, против исламистского революционного терроризма, предпочла проводить политику, результатом которой стал раскол Запада, отчужденность мусульманского мира и значительное возрастание угрозы для самой Америки. Это произошло в первую очередь вследствие определенных особенностей американского национализма, изучению которого посвящена данная книга. Он представляется мне сложным, многогранным явлением, состоящим из целого ряда особенностей политической культуры страны.

Эта книга ставит своей целью изучение политической культуры и истории ее происхождения и не дает подробных объяснений конкретных событий или решений. Имеющиеся исследования русского или немецкого национализма также не содержат выводов о том, каковы непосредственные причины, послужившие основой для тех или иных действий, предпринятых царем Николаем II или кайзером Вильгельмом в июле и августе 1914 года. Авторы подобных исследований, скорее, стремятся всесторонне изучить идеологический и духовный контекст, ставший базой для таких решений. Что же касается США, я надеюсь, что моя работа поможет объяснить, почему реакция многих американцев на трагические события 11 сентября 2001 года могла быть именно такой, какой она была, почему администрации Буша позже удалось перенести «войну с терроризмом» в Ирак и сохранить при этом поддержку большинства американцев. Проанализированные в этой книге интеллектуальные, духовные и политические традиции также позволят спрогнозировать возможную реакцию Америки в будущем на случай нового массового теракта, который представляется весьма вероятным.

Поведение американцев далеко не всегда рассматривают с точки зрения влияния на него американского национализма. Большинство американцев считают то чувство привязанности, которое они испытывают к своей стране, патриотизмом, иногда принимающим крайние формы. Американцы и иностранцы, настроенные критично по отношению к США, как правило, ведут речь о так называемом американском империализме. В Соединенных Штатах в настоящее время действительно существуют влиятельные круги, которые можно назвать империалистическими по своим взглядам и целям. Однако эти люди, несмотря на значительность своего влияния, относительно немногочисленны. Их можно встретить, прежде всего, среди интеллигенции, а также среди руководства служб безопасности и структур, отвечающих за внешнюю политику. Зачастую люди с такими взглядами входят в обе эти группы одновременно. Кроме того, такие взгляды разделяют и многие так называемые неоконсерваторы.

В отличие от многих англичан, французов и других народов во времена их империй, рядовые американцы в большинстве своем не воспринимают себя как империалистическую нацию и не считают, что их государство является империей. События, последовавшие за войной в Ираке, свидетельствуют о том, что американцы, кроме всего прочего, совершенно не готовы принимать на себя широкие долгосрочные обязательства или идти на жертвы ради установления прямого американского правления на Ближнем Востоке и в других точках мира.

Современная культура значительно изменила отношение населения к военной службе и повлияла на готовность к самопожертвованию, но наряду с этим американской культуре всегда была присуща отчетливая тенденция к изоляционизму. Это свойство американской культуры – явление отнюдь не простое, его не стоит трактовать лишь как желание отдалиться от остального мира. Американский изоляционизм, скорее, представляет собой очередное проявление как американского шовинизма, так и американского мессианства, которые транс-

формируются в святую веру в уникальность Америки. Как следствие, американский изоляционизм тесно взаимосвязан с односторонней националистической позицией этой страны в международных делах, поскольку отчасти способствует формированию убеждения: если Соединенным Штатам действительно не остается ничего иного, как все-таки вступить в контакт с отвратительными и недостойными их иностранцами, в этом случае полный контроль над этим взаимодействием – прерогатива США, они ни в коем случае не должны допускать, чтобы иностранцы управляли ими, пусть даже и в совещательной форме.

Национальная самоидентификация США, в отличие от ранее существовавших империй, и так называемый *американский символ веры* основаны на приверженности демократии. Несмотря на несовершенство и издержки в осуществлении принципов демократии в самих Соединенных Штатах и лицемерную проповедь этих принципов за рубежом, вера американцев в демократию действительно определяет пределы распространения власти Соединенных Штатов над другими народами. Таким образом, с 1945 года Соединенные Штаты представляли собой неявную империю, напоминая, скорее, Голландию XVII–XVIII веков в ее отношении к своим колониям в Юго-Восточной Азии, нежели Британию в Индии.

подавляющее большинство американцев отнюдь не обладает имперским мышлением и не готово идти на жертвы ради американской империи. Поэтому, представляя свои имперские планы американскому народу, администрация Буша предусмотрительно завуалировала их: с одной стороны, как этап осуществления благих устремлений по распространению в мире американских ценностей в виде свободы и демократии, с другой стороны, в качестве неотъемлемой составляющей обороны – но не американской империи, а самого американского народа.

Многие американцы обостренно, сугубо националистически и даже воинственно реагируют на все, в чем они усматривают угрозу или даже малейший выпад против США. Это происходит в полном соответствии с надписью на американском колониальном флаге времен борьбы за независимость, на котором изображена свернутая в кольца гремучая змея, готовая к броску. Эта надпись гласит: «Не наступай на меня!» Квинтэссенцией такой позиции стали слова Джона Уэйна (которого можно назвать символом американского национализма), сказанные им в роли умирающего стрелка в вестерне «Самый меткий», которая стала его последней ролью: «Я не позволю себя обидеть, я не позволю себя оскорбить, я не допущу, чтобы кто-нибудь хоть пальцем меня тронул. Я сам так никогда не поступаю с другими и требую, чтобы и другие так со мной не поступали»⁴.

Это поистине замечательные слова, в которых выражается чувство собственного достоинства, честь и способность постоять за себя, они находят живой отклик в душе каждого. Однако вспоминается и другое, не менее уместное в данном контексте старинное выражение, появившееся в XVIII веке: «Волочить свой сюртук». Эта фраза означает «намеренно провоцировать ссору», волоча сюртук по земле. Если кто-нибудь на него случайно наступает, появляется возможность вызвать обидчика на дуэль. Можно вполне сказать, что американские империалисты «волочат сюртук» Америки через весь мир, пока простые американцы в большинстве своем этого не замечают. Более того, империалисты с уверенностью рассчитывают на то, что те же простые американцы с яростным националистическим возмущением воскликнут: «Не наступай на меня!», когда на «сюртук» наступят.

Глубочайшая убежденность американцев в своей национальной избранности и уникальности, а также их слабое представление об остальном мире наряду с характерными для широкой американской публики предубеждениями относительно ислама как религии и воинствующим национализмом привели к тому, что список целей в «войне с терроризмом», первоначально включавший лишь «Аль-Каиду» и движение «Талибан» (что было весьма правомерно), вдруг трагически расширился. Он охватил и иракский баасистский режим, и антиизраильские группировки в Палестине и Ливане, а также, вполне возможно, в недалеком

будущем другие страны и силы. Самые разнообразные международные инициативы могут стать причиной всплеска озлобленного национализма, до поры находящегося под спудом. Для этого достаточно представить их так, чтобы американская общественность была уверена: эти проекты наносят вред Америке, ущемляют ее национальный суверенитет. При этом неважно, о чем конкретно будет идти речь: о решениях Международного уголовного суда или об ограничениях на выбросы парниковых газов.

Готовность Америки следовать решениям Киотского протокола была недолговечна, и это, видимо, не случайно. Договоренности по ограничению выбросов парниковых газов противоречат интересам США в области энергетики и интересам большинства рядовых американцев, которые зависят от автомобиля как основного средства передвижения. Те представители общественного мнения, кто в любом международном договоре, предусматривающем определенные обязательства США или некоторые жертвы с их стороны, усматривают заговор враждебных и лживых иностранцев, оказали большую услугу американцам – противникам реализации условий Киотского протокола. И многие американцы искренне верят в то, что эти взгляды выражают идеи самообороны, то есть защиты экономики их страны, их образа жизни, их свобод и всего американского народа как такового.

Печально и смешно одновременно, что большинство американцев при этом пребывают в уверенности, будто их страна тратит более 20 процентов своего бюджета на иностранную помощь. Они считают, что необходимо снизить эти показатели. На самом деле объем инвестиций Америки в оказание помощи на международном уровне составляет менее одного процента бюджета страны, что является самым низким показателем для развитых стран мира. Американский национализм лежит в основе подобных заблуждений, которые дают возможность международным критикам американской гегемонии выставлять Америку и ее народ как абсолютно эгоистическую имперскую силу, которой несвойственна щедрость и адекватное представление о реальном положении дел. Такое видение этой страны и ее населения весьма прискорбно и выглядит странным, если сопоставить его с безграничной щедростью и великодушием многих американцев в национальной и частной благотворительности. Это еще раз показывает, насколько ощутимо национальный шовинизм дискредитирует и сводит на нет даже самые благородные побуждения⁵.

Администрация Джорджа Буша-младшего направляла развитие Соединенных Штатов к формированию империи, стимулируя этот процесс на внутривнутриполитическом уровне уязвленным и мстительным национализмом. После событий 11 сентября это чувство стало для большинства американцев совершенно искренним и от этого еще более опасным. По сути дела, нет, вероятно, ничего более опасного во всей мешанине националистических идей, чем чувство праведной жертвы. На примере многих государств в мировой истории можно увидеть, что в прошлом это чувство способствовало краху Германии, Сербии и многих других стран, в настоящее время оно же подтачивает изнутри Израиль.

Две ипостаси американского национализма

Американский национализм, подобно любому национализму, многолик, и эта книга не ставила задачу исследовать все его проявления. Она сосредоточена, скорее, на двух, как мне видится, самых важных составляющих исторической культуры американского национализма, а также раскрывает сложное взаимодействие между ними. Как писал Эрик Эрикссон, «всякий национальный характер состоит из противоположностей»⁶. Как будет показано далее, это, безусловно, верно в отношении США. Соединенные Штаты представляют собой, помимо прочего, как самое передовое общество среди развитых стран мира, так и общество, весьма существенно приверженное традициям.

Столкновение между этими обществами вносит свой вклад в растущую политическую поляризацию американского общества. Сейчас, когда пишется эта книга, американский народ значительно более отчетливо и равномерно разделен по партийному признаку, чем когда-либо ранее в современной истории страны. Такое политическое разделение, в свою очередь, отражает наличие самых больших различий в социально-культурных установках со времен войны во Вьетнаме. Белые протестанты-евангелисты в два раза чаще голосуют за республиканцев, чем за демократов. Это неизбежно отражается на соответствующих позициях этих партий по проблеме аборт и другим морально-этическим проблемам. Разрыв почти так же велик и в отношении национализма: в 2003 году 71 процент республиканцев и лишь 48 процентов демократов считали себя «настроенными весьма патриотически». Это отчасти отражает различие в политических пристрастиях по расовому признаку: в том же году 65 процентов белых назвали себя «настроенными весьма патриотически» по сравнению с 38 процентами чернокожих. Что касается отношения к преступности и к вопросам вероисповедания среди американских бизнесменов, то тут прослеживаются еще более значительные различия в позициях⁷.

Однако не противостояние, а сочетание этих разнородных тенденций определяет в целом основу американского национального самосознания и во многом формирует американскую позицию и политику по отношению к внешнему миру. Такое сочетание, как показано в пятой главе, было использовано администрацией Буша, которая соединила в своей пропаганде одновременно обе эти основные тенденции американского национализма.

Первая из них рассматривается во второй главе. Она проистекает из так называемого американского «символа веры», который также можно описать как «основополагающие принципы США»: великие демократические, юридические и индивидуалистические убеждения и принципы, на которых базируются американское государство и конституция. Эти принципы лежат в основе американского гражданского национализма, а также помогают объединить Соединенные Штаты с сообществом демократических государств. Эти принципы аналогичны тем, которые приняты в других демократических обществах, но в Америке они играют особую роль в единении разрозненного народа. По самому названию – «символ веры» – становится ясно, что этих убеждений американцы придерживаются с идеологическим, почти религиозным рвением.

Вторая тенденция американского национализма представляет собой, можно сказать, «антитезу основополагающим принципам». Она произрастает, прежде всего, из этнорелигиозных источников. Некоторые проявления этой тенденции также называют «джексоновским национализмом», так как были сформулированы президентом США Эндрю Джексонном (1767–1845). Их особенности рассматриваются в третьей и четвертой главах⁸. Так как Соединенные Штаты по сравнению с другими странами – государство весьма крупное и сложное, претерпевшее значительные изменения на протяжении длительного периода времени, то и данная тенденция американского национализма соответственно весьма сложна.

В отличие от простой, монолитной идентичности польского или тайского этнорелигиозного национализма, в США эта тенденция сформировалась на основе разнородных идентичностей и импульсов, в том числе националистических настроений исконного белого населения Америки, особой культуры Белого Юга, а также убеждений и политики этнических лобби. Тем не менее эти националистические черты часто можно четко отличить от принципов американского «символа веры» и американского гражданского национализма. Пусть многие из особенностей этой тенденции американского национализма имеют специфически американские отличия (одним из примеров является особая роль протестантов-фундаменталистов), однако вполне можно проследить их явную связь с другими широко распространенными моделями этнорелигиозного национализма в мире.

Проявления этой тенденции американского национализма, как правило, вторичны по отношению к американскому гражданскому национализму, проистекающему из американского «символа веры», доминирующему в политической культуре государства и общества. Тем не менее они имеют свойство отчетливо усиливаться в периоды кризисов и конфликтов. Так, например, в тесных взаимоотношениях Америки с Израилем этнорелигиозные факторы становятся доминирующими, что имеет крайне опасные последствия для борьбы с терроризмом.

Один из основателей неоконсервативного направления в Соединенных Штатах, Ирвинг Кристал, в 1983 году прекрасно сформулировал, почему не «патриотизм», а именно «гражданский национализм» является более подходящим названием для преобладающей тенденции американской политической культуры: «Патриотизм произрастает из любви к прошлому своего народа, национализм возникает из надежд на ее особое величие в будущем... Цели американской внешней политики должны быть значительно масштабнее, чем узкое, слишком буквальное определение «национальная безопасность». Речь идет о национальных интересах мировой державы, которые определяются чувством высокого предназначения нации»⁹.

Давая это определение, Кристал повторил классическую формулировку различия между патриотизмом и национализмом, которая была дана Кеннетом Миноугом, ставшим одним из величайших историков национализма. Миноуг считал патриотизм, по сути своей, консервативным, он определял его как стремление защищать свою страну такой, какая она есть, в то время как национализм представляет собой преданность идеализированному, абстрактному, еще не реализованному представлению о своей стране, которое зачастую связано с верой в некую более масштабную миссию собственной нации в интересах всего человечества. Другими словами, национализм всегда содержит определенный революционный посыл. Так, для американской политической культуры начала XXI века, безусловно, характерен большой патриотизм, привязанность к американской системе и государственности в целом, преданность Америке такой, какова она сейчас. Но в полном соответствии с утверждением Кристола ей свойственны также и революционность, приверженность мессианской концепции американской нации, ее общемировой роли¹⁰. Эти особенности американского гражданского национализма рассматриваются во второй главе.

Американский историк и социальный критик Ричард Хофштадтер (1917–1970) писал: «Самым ярким и распространенным недостатком [американской политической культуры] является некоторая склонность испытывать приступы готовности выступить поборниками морали, «этическими крестоносцами». Этот недуг мог бы стать смертельным, но рано или поздно его в известной степени умеряют апатия и здравый смысл»¹¹. Все это можно было наблюдать и в наше время, когда по окончании войны в Ираке в обществе и в американской политике наступило отрезвление. Однако в первую очередь именно мессианский дух американской нации и призыв администрации Буша к этому крестовому походу сыграли важную роль в вовлечении американцев в эту войну.

И если согласиться с тем определением различия между патриотизмом и национализмом, которое дали Миноуг и Кристал, то придется признать, что для описания характерного национального чувства американцев термин «национализм» подходит больше, чем «патриотизм». Эта особенность, скорее, роднит американский национализм наших дней с неудовлетворенным, запоздалым национализмом Германии, Италии и России, чем с самостоятельным, привычным и стремящимся сохранить статус-кво патриотизмом британцев. Таким образом, это свойство американского национализма позволяет понять, почему политика и международные отношения США начала двадцать первого века немного напоминают недозволенную Германию времен Вильгельма II.

При этом одна тенденция американского национализма радикальна, поскольку расчет строится на «будущее страны и ее величие», а другая радикальна, потому что постоянно учитывает исчезнувшее и идеализированное национальное прошлое. Эта «американская антитеза» отличает в первую очередь американский радикальный консерватизм: мир правых республиканцев и особенно правых христиан, с их громогласными призывами «вернуть былую Америку» и восстановить прежнее, более совершенное американское общество. Как показано в третьей и четвертой главах, в этой давней тенденции в американской культуре и политике отразилась поныне присущая многим американцам консервативная религиозность. В ней также проявилась озабоченность населения социальными, экономическими, этническими и в наибольшей степени расовыми проблемами.

Отчасти эта озабоченность обусловлена тем, что «исконное» белое англосаксонское, шотландское и ирландское население постепенно теряет свои рычаги управления обществом, позже к этому добавились и другие опасения. В тесной связи с этими тревогами находится беспокойство, имеющее классовую природу. В прошлом это была враждебность, с которой жители малых городков и население сельской местности относились к новым крупным городам, в основном заселенным иммигрантами, в настоящее время это опасения, вызванные экономическим упадком среди белых, которые традиционно занимались рабочими профессиями. В результате экономических, культурных и демографических изменений, которые произошли в Америке, многие представители этой в высшей степени победоносной нации современной эпохи испытывают горечь поражения, а озабоченность положением дел внутри страны, которую порождает это чувство, распространяется и на отношения с внешним миром. Так, 64 процента американцев в 2002 году согласились со следующим утверждением: «Наш образ жизни необходимо защищать от иностранного влияния» (для сравнения, с этим согласен 51 процент британцев и 53 процента французов). Эти показатели являются средними между данными по Западной Европе и данными по развивающимся странам, таким как Индия (76 процентов). Такая ситуация достаточно пикантна, поскольку индийские националисты и представители этого направления в других странах развивающегося мира под термином «иностранное влияние», которого они так опасаются, подразумевают в первую очередь, безусловно, влияние Соединенных Штатов¹².

Эти опасения привносят в националистические чувства многих американцев поразительные оттенки озлобленности, язвительной мелочности и настороженности, что до странности противоречит образу и самооценке Америки как страны успеха, открытости, богатства и щедрости. Ненависть, спровоцированная этим чувством поражения и отчужденности, за многие годы разрослась. Теперь она направлена как на отечественных, так и на зарубежных врагов.

Такая ситуация не нова, это уже случалось в разных странах мира. Если обратиться к истории, то в Европе, например, именно в результате социально-экономических перемен некоторые классы или группы населения, испытывая действительное снижение жизненного уровня или полагая, что это так, становились, как правило, источником радикального консерватизма и национализма. Рассматривая различные взгляды на суть американского национализма и сложные отношения этой нации с современным миром, в котором Америка доминирует, необходимо осознавать тот факт, что многие американцы находятся в состоянии противоборства с миром, созданным их страной.

Это, однако, совершенно не относится к различным группам экстремистского толка, от военизированных формирований до неонацистов и так далее, поскольку эти представители «американской антитезы» отнюдь не выступают ни против американского «символа веры», ни против американского гражданского национализма как таковых¹³. В других странах мира наиболее радикально настроенные националистические и консервативные движения, по крайней мере в прошлом, являлись противниками демократии и требовали введения

авторитарного правления. Радикально настроенные националисты и консерваторы в Америке, напротив, обычно являются преданными поборниками американской демократии и либеральных убеждений. Наряду с этим они (осознанно или подспудно, открыто или глубоко скрытно) уверены, что американская демократия создана белым населением страны, исповедующим христианство, что и американским демократическим свободам, и либеральным убеждениям нации угрожает влияние иммигрантов, расовых меньшинств и иностранцев. Я не утверждаю, что это мнение априори ложно. Обсуждение этой точки зрения выходит за рамки тематик этой книги. Хочу лишь подчеркнуть, что люди, разделяющие эту позицию, естественно, испытывают озлобленность, настроенность и готовы оказывать сопротивление в ответ на проявления многих современных тенденций¹⁴.

Американские протестанты-фундаменталисты также не выступают против «американского символа веры» как такового. Однако у них вызывают отторжение культура и интеллектуальные достижения современной Америки. Они отвергают самые основы современности. Современная американская «массовая культура» представляет для них одну из форм ежедневного подрыва тех ценностей, которые они так страстно отстаивают, и готовность белых американцев среднего класса защищать эти социальные, культурные и расовые ценности, в свою очередь, проявляется в реакционной религиозной идеологии, которой они придерживаются. С одной стороны, Америка рекламирует миру свою «американскую мечту», с другой стороны, в самой Америке многие считают, что они живут в американском кошмаре¹⁵.

Америка взрастила на своей почве, пожалуй, самую глубокую, широко распространенную и консервативную религиозную веру в западном мире, в которой есть место безудержным надеждам, страхам и ненависти, связанным с наступлением нового тысячелетия. Эти явления оказались тесно взаимосвязаны. Согласно данным независимого исследовательского центра «Пью Ресёрч» («Pew Research Center for the People and the Press») за 2002 год, Соединенные Штаты начала XXI века по своим религиозным представлениям в целом были гораздо ближе к развивающимся странам, чем к промышленно развитым (хоть большинство верующих в США – не протестанты-фундаменталисты, а католики или «основная масса» протестантов, придерживающихся более либеральных воззрений). Население современных Соединенных Штатов демонстрировало не меньшую приверженность своим религиозным убеждениям, чем в начале XIX века. Это отмечал еще Алексис де Токвиль в 1830-е годы. К тому времени религиозные верования европейского населения были существенно поколеблены после нескольких десятилетий эпохи Просвещения и под воздействием Французской революции, а практически все американцы в это время были истово религиозны¹⁶.

По состоянию на 2002 год 59 процентов респондентов в США утверждали, что «религия играет очень важную роль в их жизни». Таким образом, по этому показателю Соединенные Штаты находятся между Мексикой (57 процентов) и Турцией (65 процентов), но далеко отстоят от Канады (30 процентов), Италии (27 процентов) и Японии (12 процентов). Если принимать во внимание весь диапазон показателей процентного соотношения, то США оказались по этой шкале ближе к Пакистану (91 процент), чем к Франции (12 процентов)¹⁷. По состоянию на 1990 год 69 процентов американцев верили в то, что дьявол существует во плоти, такого же мнения придерживалось вполуполу меньшее количество британцев¹⁸.

Рассказывают, что некий сенатор США как-то сказал о европейцах: «Какие у нас с ними общие ценности? Они даже в церковь не ходят!» И он был отчасти прав. Это одинаково верно и для представителей высших политических кругов США (однако не для представителей интеллигенции, культуры и экономической элиты), и для рядовых граждан в целом. Протестанты-фундаменталисты в США всегда проявляли большую склонность к навязчивым идеям. Изначально они в параноидальном стиле реагировали на католиков, масонов и других представителей инакомыслящих, впоследствии продемонстрировали такую же реак-

цию на холодную войну и коммунистическую угрозу¹⁹. Уже в наши дни «протестанты фундаменталистского толка стали активнее включаться в общественную жизнь. Так проявились новые религиозные и духовные традиции, которые сформировались у англо-американских протестантов, как либеральных, так и фундаменталистов, после того как они столкнулись с угрозой, исходящей от американцев других религиозных и этнических групп»²⁰.

В результате напряженного противостояния между фундаменталистскими религиозными ценностями и теснящей их со всех сторон современной американской «массовой культурой» возникает истерическая реакция американских правых, которая вызывает такое глубокое недоумение у сторонних наблюдателей. Во многих районах Америки на основе этих религиозных убеждений, в свою очередь, формируется основная составляющая самосознания белого американского населения, потомков первых колонистов. Наиболее отчетливо это проявляется на территории южных штатов, так называемого Большого Юга, у той части населения, которую бывшая первая леди Каролина («Леди Бёрд») Джонсон назвала: «Мы, простой народ Америки»²¹.

Религиозные убеждения широких слоев этого основного населения испытывают постоянное, ежедневное давление со стороны современной светской культуры, прежде всего через средства массовой информации. И возможно, не меньшее влияние на них в долгосрочной перспективе будет оказывать наблюдающееся в последние десятилетия определенное снижение реальных доходов американского «среднего класса», к которому относятся эти группы. Помимо прочего, в результате снижения доходов, а также более обширных экономических перемен, начавшихся с нефтяного кризиса 1973 года, многие женщины вынуждены были трудоустроиваться, что неизбежно подрывало традиционную структуру семьи даже среди тех групп населения, которые наиболее преданно поддерживали семейные ценности прошлого.

Взаимоотношения между этим традиционным миром белого протестантского населения, с одной стороны, и силами, ведущими к экономическим, демографическим, социальным и духовным изменениям в Америке – с другой, можно сравнить с процессом формирования урагана. Масса теплого, влажного воздуха поднимается вверх от постоянно бурлящего моря американского капитализма навстречу холодным слоям воздуха и по мере подъема теплая масса втягивает в себя еще больше воздуха со стороны в форме иммиграции. Холодные слои состоят из «средних классов» белого населения, проживающих в своем мире маленьких городков и пригородов почти повсюду в Соединенных Штатах, а также из белого населения со старинными корнями на Большом Юге, который всегда отличался особыми духовными традициями, и из весьма сдержанной и скупой на эмоции прослойки протестантов-фундаменталистов англосаксонского и шотландско-ирландского происхождения.

В результате столкновения этих масс под раскаты взрывов и электрических разрядов высвобождается значительная политическая и духовная энергия. Как и ураган, получившаяся таким образом буря, по сути, имеет циклический, самовоспроизводящийся характер, постоянно преследуя собственный хвост, генерируя собственную энергию – вплоть до того неизвестного момента в будущем, пока кипящее море экономических изменений не остынет либо пока не растворятся слои, поддерживающие высокий накал религиозности и традиционную культуру. Среди этих электрических разрядов необходимо упомянуть и ненависть, в том числе ненависть на почве национализма²².

В связи с этим шовинистическую ненависть, направленную вовне, следует рассматривать как побочный продукт той же ненависти, которую проявляют правые американцы и в самой Америке, как, например, их патологическую ненависть к президенту Биллу Клинтону. В Европе Клинтона обычно воспринимают как некое подобие Тони Блэра, центриста, который «модернизировал» свою прежде левоцентристскую партию, переключив заимствованные

по большей части у правоцентристов представления и взгляды и придерживаясь, по сути, экономической политики правого крыла. Но для радикальных консерваторов в Америке все это не имело никакого значения. Они ненавидели его не за то, что он *сделал*, а за то, кем он *являлся*. Для них он – представитель многорасовой, плюралистической и модернистской культуры и духовной элиты, которую они одновременно презирают и которой боятся, равно как они ненавидят атеистические, декадентские, малодушные страны Западной Европы – не только за то, что те делают, но за то, что те собой представляют.

Говоря о ситуации в США, необходимо помнить, что две эти силы не просто противостоят друг другу, но находятся в сложном взаимодействии, как во время урагана или грозы. Вот любопытной парадокс: безудержный свободный рынок капитализма, который грозит стереть, растворить старые консервативные религиозные и духовные общины протестантской Америки, в настоящее время стимулируется именно политическими представителями тех же общин²³.

Это не всегда было так. В 1890-х и 1900-х годах эти слои населения Америки составили костяк народного протеста против эксцессов американского капитализма, а в 1930 году именно они единогласно проголосовали за «Новый курс» Рузвельта. Сегодня, однако, правые религиозные круги прочно объединились с самыми убежденными сторонниками свободных рыночных отношений в Республиканской партии, несмотря на то что именно деятельность безудержного американского капитализма ведет к разрушению основ того мира, который религиозные консерваторы хотели бы защитить.

Для обеспечения своих классовых интересов, а также для того, чтобы получить голоса избирателей из числа радикальных консерваторов и националистов, силы радикального капитализма в США могут все больше испытывать потребность в этих слоях населения. Как показано в первой главе, по целому ряду особенностей США в 2004 году больше напоминают Западную Европу 1904 года, чем весь остальной развитый мир. К таким особенностям относится и радикальный характер, присущий американскому капитализму, что подтвердили многие действия администрации Буша²⁴.

В столкновении между духовной и социальной лояльностью и императивами капиталистических перемен как раз и состоит давняя дилемма для тех социальных и моральных консерваторов, которые в то же время искренне преданы сохранению свободной рыночной экономики. Выдающийся политический и этический мыслитель США Гарри Уиллс отметил: «Нет ничего менее консервативного, чем капитализм, в котором всегда есть стремление к новому»²⁵. Слова Карла Маркса о неумолимом и сокрушительном воздействии капитализма на традиционное общество напоминают нам, что «глобализация» и, как следствие, бесконечные и необратимые перемены так же стары, как и сам капитализм:

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. . . Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения. . . Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. . .»²⁶

Примирить между собой такие противоречивые воздействия или, скорее, создать достаточно убедительную для общества видимость этого примирения является ключевой функцией мифа в политической культуре²⁷. Во второй главе исследуются американские национальные и националистические мифы и их влияние на США в настоящее время.

Угроза для американской гегемонии

В сознании американцев глубоко укоренилась уверенность в своей исключительности, и в какой-то мере у них есть на то основания. Однако вследствие этого, а также из-за снизившегося уровня изучения истории в американских образовательных учреждениях американцам непривычно изучать национализм в своей стране в увязке с историей западных стран, хотя это в настоящее время стало особенно насущно. Ни одному здравомыслящему человеку, несомненно, и в голову бы не пришло, что Соединенные Штаты добровольно последуют примеру националистических стран Европы, история которых в течение века до 1945 года отнюдь не внушала желания подражать им. Говоря более конкретно, американский национализм уже вступает в серьезный конфликт с любыми вариациями американского империализма, даже с весьма рациональным и жизнеспособным его воплощением, основанным на передовых современных знаниях. Таким образом, национализм противоречит интересам Соединенных Штатов как мирового гегемона и наследника роли Древнего Рима и Китая, роли, которую сыграли эти страны в своих регионах мира.

Осознать различие между стратегией и философией администрации Клинтона и Джорджа Буша, а также разницу между тем американским подходом, который стремится обеспечить легитимность американской гегемонии, и тем, который делает неограниченное осуществление воли Америки общественным культом, можно в том числе и через пристальное изучение национализма в Америке²⁸.

Международная политика Клинтона и Буша, однако, на взгляд некоторых видных американских и иностранных обозревателей, почти не имеет принципиальных различий. Те, кто придерживается левых убеждений, рассматривают политику любой американской администрации как отражение прежде всего устойчивой динамики и потребностей американского капитализма в его имперской ипостаси: господство в мире капитализма и первенство США в рамках капиталистической системы²⁹. Такая оценка действительно отчасти верна. Однако, концентрируя внимание на общих целях, левые аналитики склонны не замечать ряд других важных факторов: какие средства используются для достижения этих целей, в чем разница между продуманными и непродуманными действиями (для последних характерна тенденция действовать наобум), а также насколько выбор средств зависит от иррациональных чувств и настроений, которые в лучшем случае не способствуют достижению поставленных целей, а в худшем – даже мешают этому. Среди множества иррациональных чувств, которые повлияли на подрыв стратегии просвещенного капитализма не только в наши дни, но и вообще в современной истории, национализм является самым важным и опасным.

Уолтер Рассел Мид, американский националист и далеко не марксист по своим взглядам, также считает, что проведенная президентом Бушем глобализация доктрины Монро находится в тесной связи с политикой США времен Второй мировой войны. Эндрю Басевич и Чалмерс Джонсон, в свою очередь, провели исследование, в какой-то мере используя в качестве обоснования анализ экономических и организационно-правовых истоков американского империализма, сделанный Уильямом Эппелманом Уильямсом. Они также пришли к выводу, что деятельность как администрации Клинтона, так и позднее Буша по расширению влияния Америки не имеет значительных отличий³⁰.

Они считают, что действия администрации Буша в Ираке, по своей сути, не отличаются от операций Клинтона в Косово или на Гаити, лишь масштаб и степень риска были намного больше. Во всяком случае, Клинтон довольно быстро перешел к активному противодействию планам России по сохранению сферы влияния на территории бывшего Советского Союза, а также не был слишком разборчив в отношении того, каким режимам ему следовало оказывать содействие. Клинтон сохранил Североатлантический блок в качестве (как тогда виделось) необходимого средства обеспечения американского стратегического доминирования в Европе. По мнению Басевича, военная операция в Косово по большей части была необходима именно для того, чтобы оправдать дальнейшее существование НАТО в качестве такого средства.

Однако Клинтон, хоть и являлся убежденным поборником американской гегемонии, никогда не был американским шовинистом. В его представлении мировой порядок предполагал американское доминирующее лидерство, но не диктат, а также желание «поставить Америку в центр любой системы или организации», но не банально указывать всем, что нужно делать. И по крайней мере, это было отмечено его критиками из числа правых американцев, один из лидеров которых обвинил Клинтона в «постепенном погружении нас в пучину международных организаций»³¹.

Стремление использовать международные организации для осуществления своих целей руководства мировым сообществом является важной характеристикой американской международной политики со времен Второй мировой войны. В какой-то мере Америка, не желая повторять свое ошибочное решение изолироваться от остального мира после событий 1919 года, сознательно пытается следовать противоположному курсу. Отчасти же это объясняется тем, что таковы международные потребности и интересы США с точки зрения американского капитализма. Сторонники администрации Буша неоднократно называли его продолжателем политической линии Вудро Вильсона за те декларативные призывы к демократизации и гуманитарной интервенции, которые озвучивали представители администрации Буша с 2001 года. Но исторические факты полностью опровергают такое определение. Они со всей очевидностью демонстрируют, что президент Вудро Вильсон был страстным поборником создания международных институтов и участия США в работе этих организаций, что в этом он видел проявление мощи и влияния своей страны на мировой арене. Несомненно, что современным последователем политики Вильсона, таким образом, является никак не Буш, а именно Клинтон.

Та форма американского доминирующего руководства, которую осуществлял Клинтон, оказалась, помимо этого, значительно более приемлемой для большинства стран мира, чем позиция Буша, занятая им в период с 2001 по 2003 год, несмотря на неприятие многими лидерами других государств международной политики администрации Клинтона. Так, Россия и другие страны осуждали его политику, рассматривали решения и действия Клинтона как угрозу своим геополитическим интересам, а его демократические декларации считали насквозь лживыми, лицемерными и бесцеремонными. Тем не менее политика Клинтона, как оказалось, была намного более приемлемой для большинства государств мира, чем подход администрации Буша в первые три года его правления, поскольку Клинтон принимал во внимание их интересы и, что не менее важно, никогда публично не унижал их требованием демонстративных проявлений рабской покорности³².

В администрации Буша преобладали более откровенно проимпериалистически настроенные силы, чем в администрации его предшественника³³. Более того, повинувшись собственным чувствам, а также стараясь завоевать доверие американского народа, эти силы поступили еще коварней, подавая империализм под видом американского национализма и осуществив таким образом целый ряд мероприятий исключительно одностороннего харак-

тера. Это не являлось притворством или сознательным циничным манипулированием американским национализмом. Буш, его ведущие сотрудники и сторонники среди интеллигенции и в кругах средств массовой информации, в отличие от Клинтона, совершенно искренне исповедовали национализм. Для таких убежденных националистов, как они, любой мировой порядок, при котором международная деятельность или интересы Америки подвергались бы какому бы то ни было контролю со стороны, был абсолютно неприемлем.

Крайне националистический характер администрации Буша был совершенно очевиден с самого прихода ее к власти в начале 2001 года. Все ее шаги, все предпринятые ею действия привели лишь к резкому росту отчужденности Америки от большинства стран мира и такому уровню враждебности к администрации Буша в Европе, который впоследствии выразился в отказе многих европейских стран принимать участие в военных действиях в Ираке³⁴. Координатор антитеррористической деятельности Ричард Кларк летом 2001 года прозорливо подметил: «Парни из этой администрации [Буша. – Прим. переводчика], которые намерены в следующем году организовать международную коалицию для вторжения в Ирак, сейчас ведут себя как-то не слишком дружелюбно для этого»³⁵.

Отказ Америки от жизненно важных международных договоров по контролю над вооружениями, видимо, объясняется слепым националистическим желанием США обрести абсолютную свободу действий, однако в результате Соединенные Штаты получили лишь возросшую угрозу террористических актов с использованием оружия массового поражения. Джон Болтон, позднее ставший заместителем госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности, побудительным мотивом этих действий американского руководства назвал «американизм», но можно было сказать и проще: «национализм»³⁶.

Тем не менее многие американцы, похоже, не видят в этом никакой беды. По результатам опроса, проведенного зимой 2004 года, 46 процентов респондентов в США считали, что администрация Буша в достаточной степени принимает во внимание интересы и взгляды союзников США, правда, 18 процентов опрошенных отметили, что Америка злоупотребляет доверием союзников. И лишь 30 процентов признали, что США открыто пренебрегают интересами союзников. Показательна разница между этими мнениями и общественным восприятием в других странах. Так, среди британцев в марте 2004 года 61 процент населения согласился с утверждением, что, «принимая свои внешнеполитические решения, США практически или совершенно не учитывают интересы Великобритании»³⁷.

Откровенный отказ США от Киотского протокола по выбросам парниковых газов, а также быстрое прекращение последовавших за этим попыток официальных лиц США найти взамен какое-либо приемлемое решение нанесли огромный урон престижу США в Европе. Все это, кроме прочего, было проделано с плохо прикрытым пренебрежением не только к мнению международного сообщества и американских союзников в Европе, но и к взглядам фракции сторонников умеренной позиции в собственной администрации Буша. Наибольшая критика будущих поколений обрушится на США и на их стремление к мировому господству, по всей видимости, именно за безразличие, проявленное к экологической безопасности. Таким образом, отношение администрации Буша к экологической политике не только уже на данном этапе ставит Соединенные Штаты под удар, но и в будущем лишает их права выступать в той роли, на которую США претендуют: в роли нового Рима, который распространяет свое цивилизующее влияние далеко за пределы современной эпохи.

Такой подход к решению вопросов экологии на международном уровне, а также растущая среди американцев среднего достатка мода на потребляющие значительное количество топлива внедорожники-паркетники – вот что в первую очередь наводит на мысль о том, что американцы заинтересованы в использовании своей власти над планетой исключительно в своих, весьма эгоистичных и недальновидных целях, а разговоры о расширении сферы

ответственности США были чистым лицемерием³⁸. Бывший министр финансов Пол О'Нил полагал, что в основе решения Белого дома по Киотскому протоколу было сложившееся у администрации Буша ощущение, что «определенным кругам [на которые она опирается] все это не нравится, черт его знает, почему», но при таком настрое вряд ли можно было рассчитывать, что в мире возрастет доверие к американскому руководству³⁹.

В новой «Стратегии по национальной безопасности 2002 года» («СНБ-2002») была изложена новая концепция, так называемая Доктрина Буша, в соответствии с которой американский суверенитет должен всегда оставаться абсолютным и безусловным. Однако суверенитет других стран Америка берет на себя право нарушать, не допуская в том числе, чтобы другие страны имели сферы влияния, пусть даже ограниченные их собственным регионом. При этом в «СНБ-2002» неоднократно использовалась фраза «баланс сил», которая в свете новой концепции представляет собой не что иное, как оруэлловский демагогический новояз. Четко прослеживалось недвусмысленное намерение США настолько усилить свои позиции, чтобы у других стран просто не осталось иного выбора, кроме как поддерживать Соединенные Штаты по всем вопросам, что на деле привело бы к концентрации всей реальной власти в руках Америки и предоставило бы ей неограниченную свободу действий⁴⁰.

Фактически это была попытка распространить на весь мир жесткую, интервенционистскую версию доктрины Монро (так называемое Дополнение Рузвельта к доктрине Монро, выдвинутое президентом США Теодором Рузвельтом)⁴¹. Этот навеянный манией величия, абсолютно нереалистичный, как позже показала оккупация Ирака, план оказался совершенно неприемлем для большинства стран мира. Но, поскольку формулировки этого плана были выдержаны в лучших традициях американского национализма, с упором на необходимость защитить Америку и мессианскую роль США в распространении свободы, то многие американцы сочли его вполне подходящим и даже само собой разумеющимся⁴².

Из этого следует, что против администрации Буша можно выдвинуть такое же обвинение, какое предъявляли элитам европейских стран накануне 1914 года. Она допустила, чтобы из-за национал-шовинизма и безграничного честолюбия Америки под угрозой оказались безопасность и стабильность всемирной капиталистической системы, хранителем и главным бенефициаром которой Америка как раз и является. Другими словами, действия администрации Буша были безответственными и вредными, но не с точки зрения марксистов, а по капиталистическим меркам. Она совершила преступление против мира капитализма.

Это различие имеет огромное значение в вопросе мировой стабильности и гегемонии США в мире. Многие страны мира совершенно не устраивает именно относительно умеренный вариант американской гегемонии. Это происходит потому, что они зачастую граничат с государствами, которых они боятся больше, чем Америки, а также в силу того, что их элиты все больше и больше связаны с мировой капиталистической элитой, которая в значительной степени формирует свои ценности в соответствии с американскими идеалами. Однако совсем другое дело, когда речь идет об американской имперской власти, которая обслуживает узкие потребности американского (и израильского) национализма. Это крайне нестабильная основа для гегемонии. Она подразумевает власть над миром без принятия на себя ответственности за глобальные проблемы и последствия влияния США на другие страны. Редьярд Киплинг назвал власть без ответственности «прерогативой блудницы на протяжении веков».

Америка упустила возможность воспользоваться на редкость благоприятной ситуацией в мире после падения коммунизма главным образом из-за своего национализма. Как говорится в пятой главе, вместо того чтобы использовать этот момент для создания «концерна держав», который бы явился оплотом управляемого роста капитализма и мировой ста-

бильности и оказывал бы помощь нуждающимся, занимался бы профилактикой заболеваний и других социальных бед, национализм направил Америку на поиски новых врагов.

Такой национализм может поощрить своих сторонников не только на культивацию национальной ненависти к каким-то конкретным народам, но и взрастить в них враждебность ко всем идеалам, целям, движениям, законам и институтам, которые стремятся выйти за пределы отдельно взятой нации и выступать за общие интересы всего человечества. Следовательно, эта форма национализма является прямой противоположностью общемировых идеалов и устремлений американского «символа веры». А ведь именно они в конечном итоге лежат в основе представлений о роли Америки как великой цивилизационной силы, наследницы Рима и Китая, отсюда проистекает святая уверенность Америки в том, что она является собой всему миру пример для подражания. Эти идеалы формируют и концепцию «мягкой силы» Джозефа Ная в ее особой форме, присущей именно Америке⁴³.

Даже некоторые самозванные американские либералы приходят к мысли о том, что перед лицом таких чудовищных угроз, как, например, международный терроризм, у американских интеллектуалов нет иного выбора, кроме как сплотить свои ряды, встав на защиту своего отечества. Ответом на это можно считать слова, сказанные Жюльеном Бенда в 1928 году (книга «Предательство интеллектуалов»). Он пишет о том, что национализм развращает европейских интеллектуалов, и предупреждает о грядущих ужасных катастрофах: «Нам растолкуют, что наблюдавшееся в последние полвека... отношение других государств к нашей стране [Франции] требовало от французов, которые хотели защитить свою нацию, величайшей национальной пристрастности, и лишь те, кто поддался этому фанатизму, были подлинными патриотами. Мы не утверждаем обратное. Мы только говорим, что интеллектуалы, впавшие в такой фанатизм, изменили своему предназначению, ибо оно заключается в том, чтобы в противовес несправедливости, на которую обрекает народы поклонение земному, составлять корпорацию, поддерживающую единственный культ – культ истины и справедливости»⁴⁴.

Национализм, таким образом, ставит под сомнение именно те американские ценности, которые делают нацию одной из самых уважаемых в мире, те ценности, на которых зиждется одновременно и нынешнее влияние Америки в мире, и уверенность, что будущие поколения будут вспоминать о ней как о добронамеренном и позитивном лидере человечества.

Необходимо постоянно помнить об исторических свидетельствах опасности бездумных националистических настроений. Все это весьма актуально и для современной политики США. Национализм процветает там, где царит бессознательная ненависть и где другие народы или этнорелигиозные группы априори считаются безнадежно злыми и враждебными. Еще вчера многие американские националисты думали так о России. Сегодня те или иные националисты, видимо, относятся подобным же образом к арабскому и мусульманскому миру или даже, в несколько меньшей степени, к любой стране, которая не идет навстречу американским пожеланиям. Этим, вероятно, объясняется поразительный всплеск шовинизма, направленный против Франции и Германии в преддверии войны в Ираке.

В 2003 году американский ученый Фуад Аджечи, ливанец по происхождению, в своих ярких эссе, сам того не желая, кратко обрисовал, в чем состоит основная опасность шовинистических настроений американского национализма в имперском облики – как для Соединенных Штатов, так и для всего мира. Кроме того, Аджечи определил место такого национализма в истории национализма и империализма. Характерной для Америки особенностью его подхода стало собственное неамериканское происхождение Аджечи, но даже это было совершенно нормально применительно к великим цивилизационным империям прошлого. Как рассказывается в первой главе, в этих империях, как и в современной Америке, не делалось различий по расовому признаку, происхождение подданных не интересовало империю до тех пор, пока они верно служили государству и безоговорочно соглашались исповедовать

имперскую идеологию. Проводя историческую аналогию с ближневосточными реалиями, Аджеми можно было бы назвать современным арабским Иосифом, который много сделал для пропаганды Римской империи – в нашем случае Америки⁴⁵.

В своих эссе Аджеми изучает проблему антиамериканизма, антиамериканских настроений. При этом он начисто отвергает данные и выводы агентства «Пью», Гэллапа и других вполне уважаемых организаций, проводивших свои опросы, которые подтвердили, что враждебность по отношению к Америке значительно возросла в ответ на политику администрации Буша. Вместо этого Аджеми утверждает, что не только арабскому и мусульманскому миру, но и Европе, Азии и Латинской Америке и всему миру вообще с давних пор присущ антиамериканизм (то есть антиамериканские настроения), который является реакцией на богатство, успех и передовой образ жизни США, под влиянием которых другие страны вынуждены менять свои государственные системы. Аджеми уверен, что политическая стратегия США не имеет абсолютно никакого отношения к восприятию Соединенных Штатов на международной арене. Он утверждает, что соболезнования, выраженные Францией и другими странами после теракта 11 сентября, были чистой воды лицемерием: «Для того, чтобы Франция в целом и газета «Монд» в частности продолжали выражать сочувствие Америке, Соединенным Штатам пришлось бы подставлять другую щеку убийцам из «Аль-Каиды», пощадить талибов и организовать с мусульманским миром некий диалог, достойный высокоцивилизованного общества. Но кому нужны высокие рейтинги одобрения в каком-то Марселе?»⁴⁶.

Аргументацию Аджеми в еще более резкой форме подхватил Чарльз Краутхаммер, ведущий обозреватель, придерживающийся крайне правых взглядов. Свою статью в журнале «Тайм» он озаглавил так: «К черту ваше сочувствие». В ней Краутхаммер стремится облить своих внутренних политических оппонентов и весь «мир» одним и тем же антиамериканским дегтем: «Миру, видимо, нравится, когда США стоят на коленях. Отсюда демократы вывели свою внешнюю политику: оставаться на коленях, униженно просить – и в таком случае получать аплодисменты и «поддержку» мира... Не стоит искать логики в антиамериканизме, это бесполезно. Им пропитан сам воздух, которым дышит мир. Он коренится в зависти и ненависти к США тех народов, которые стремятся стать современными, но им это не удастся, и они находят единственное удовлетворение, обливая презрением страну, которая представляет собой лучший пример современного общества. 11 сентября они решили сделать небольшой перерыв на денек. Подумаешь!»⁴⁷

Аналогию можно найти и в том, что сказала в 1998 году Филлис Шлафли, одна из лидеров правых христиан, по поводу намерений Клинтона подписать ряд международных договоров:

«Международные договоры и конференции представляют собой прямую угрозу каждому американскому гражданину... Сенат должен немедленно выйти из всех договоров ООН. Каждый такой договор ущемляет наши права, свободы и суверенитет. Это касается договоров о правах детей, женщин, о Международном суде, о судоходстве, торговле, биологическом разнообразии, глобальном потеплении, а также договоров, касающихся объектов культурного наследия...

Наша Декларация независимости и наша Конституция – вот источник свободы и процветания, в условиях которых живут американцы. Мы, американцы, живем в такой неповторимой, такой восхитительной и процветающей конституционной республике, что было бы полным безумием запрягаться в одно ярмо с каким-то другим народом. Святой Павел предупреждает нас (Послание к Коринфянам, II, стих 6,14): «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» Принципы, защищающие жизнь, свободу и собственность, нельзя объединять с

принципами, дающими право на геноцид, тоталитаризм, социализм и религиозное преследование. Нельзя доверять соглашениям или договорам с неверными»⁴⁸.

Этот образец прекрасно иллюстрирует, как тесно переплетаются между собой представления о демократической и религиозной исключительности, популярные у определенной части американского общества, и глубокий националистический изоляционизм, подпитывающий националистическую односторонность. Как заявил в ходе своей передачи на канале «Фокс ньюз» журналист Билл О'Рейли, когда ему пришлось прокомментировать огромную разницу между тем, как освещали американские и международные средства массовой информации попытки США втянуть различные страны в войну с Ираком: «Ну, весь остальной мир лжет»⁴⁹.

Журнал «Файнэншл таймс» назвал министра обороны США Дональда Рамсфелда «антидипломатом», такое же обвинение было предъявлено Джону Болтону и другим членам администрации Буша. Говорят, что вице-президент США Дик Чейни «всем нутром ненавидит» Организацию Объединенных Наций. Цитированные выше пассажи показывают, какие духовные и идеологические явления порождают подобную «антидипломатичность».

Вряд ли требуется специально заострять внимание на лживости, присущей такого рода аргументации. Вот лишь некоторые аргументы: предположим, критику в адрес политики США следует отнести исключительно на счет неискоренимого «антиамериканизма», но как объяснить изменившееся отношение Великобритании к участию в вооруженных конфликтах, начиная с войны в Афганистане (которая получила большую общественную поддержку) и завершая войной в Ираке? Представляет ли британское общество также пример неудачной попытки стать современным, отличается ли оно природным антиамериканизмом? Попробуйте также применить логику этих рассуждений к другим странам мира. Многие поляки не очень любят русских и, вероятно, никогда не полюбят их (в силу давних исторических причин). Означает ли это, что новая российская политика не сможет никак повлиять на польско-русские отношения, которые Польша рассматривает как проявления недобрососедства и враждебности? А как насчет Греции и Турции? Или Южной Кореи и Японии?

Основная цель этих аргументов, как и всех остальных националистских рассуждений, их истинное предназначение заключается именно в том, чтобы избавить Америку от моральной ответственности за последствия своих действий и, следовательно, предоставить Америке право делать все, что угодно. Для этой цели хороши все средства: можно фальсифицировать или вообще игнорировать факты (примером является то, как Франция решительно поддержала действия США в Афганистане), можно не принимать во внимание стандартные доказательные базы, широко применяемые в обычной практике. К примеру, вдруг оказывается, что данные опросов, проведенных надежными социологическими агентствами, данные, которые всегда используются в качестве основных источников достоверной информации в любом другом контексте, считаются несущественными. В таком случае единственными критериями, на которых можно основывать свое суждение, будут национальные предубеждения и убеждения в своем национальном превосходстве.

Если объявлять другие народы подсознательно, безнадежно и неизменно враждебными, то становятся очевидно бессмысленными всякие попытки найти компромисс в отношениях с ними или понять их взгляды и интересы. А поскольку эти страны и народы несомненно варварские, то Америка может свободно диктовать им свою волю или даже завоевать их для их же собственного блага. Именно так думали друг о друге и о других, менее благородных народах, националисты ведущих европейских государств перед катастрофой 1914 года, которая ввергла Европу в век еще более ужасных катаклизмов. Подобные рассуждения всегда составляли значительную часть старых чудовищных антисемитских разговоров.

Особенно удручает то, что доводы подобного рода в Соединенных Штатах часто связаны с аналогичными доводами относительно Израиля и приводятся, чтобы аргументировать право Израиля не нести никакой ответственности за последствия своих действий. Этой теме посвящена шестая глава. Брайан Клуэг сказал в свое время: «Если Израиль по сути своей остается жертвой преследования в антисемитском мире, то он не несет никакой ответственности за ситуацию, в которой он оказался: быть предметом всеобщего осуждения... Что бы еврейское государство ни делало или, наоборот, воздерживалось совершать, не может повлиять на это осуждение – ни вызвать его, ни предотвратить его. Все, что Израиль может сделать, если уж его действительно считают «собирабельным образом жида среди народов», что означает всегда находиться в роли парии, – так это бороться за свое выживание, бросать вызов всему миру и держать его в страхе»⁵⁰.

Общим в подобных радикальных националистических рассуждениях в Америке и в Израиле является образ врага, который они экстраполируют до почти вселенских масштабов. Националисты в других странах распространяют свою враждебность лишь в отношении ограниченного числа других стран. Но американцы, как мне довелось слышать в течение многих лет, обвиняют в неискоренимом и злонамеренном антиамериканизме то русских, то арабов, то китайцев в зависимости от того, какой предлог был нужен Америке для проведения той политики, какая ей выгодна в отношении этих народов. Видимо, лишь в Америке и в Израиле могло случиться так, чтобы такой влиятельный публицист, как Краутхаммер, объявил бы весь мир сумасшедшим врагом. И эти выражения произносятся не в ходе какого-нибудь заурядного ток-шоу в глубинке, их публикуют в ведущем общественно-политическом журнале Америки и в одном из главных журналов, посвященных внешнеполитической деятельности страны. Госпожу Шлафли тоже нельзя назвать незначительной, второстепенной фигурой в общественной жизни США. Она и ее коллеги, лидеры правых христиан, имеют большое влияние в Республиканской партии.

Если допустить, чтобы подобные взгляды получили в Соединенных Штатах широкое распространение, это будет иметь катастрофические последствия не только для американских интересов и американской безопасности, но и для духовного состояния Америки. Патологическая ненависть и страх перед внешним миром будут питать те же эмоции и в американской внутренней политике до тех пор, пока нравственное и духовное величие нации не будет разрушено и пока не будет полностью уничтожено наследие американского народа будущим поколениям. Однако вместо того, чтобы представлять себе такие картины, мне хотелось бы увидеть, что современная Америка вновь учится на тех уроках, которые она вынесла из Вьетнамской войны, хоть я, конечно, надеюсь, что для этого не придется вновь потерять десятки тысяч жизней американцев. Эти уроки преподали не только американцы левого толка, но и глубоко консервативные и реалистичные американцы, такие как Джордж Кеннан и сенатор Джеймс Уильям Фулбрайт.

Таким образом, эта книга представляет собой анализ различных тенденций американского национализма и их взаимодействия между собой. Но у этой книги есть также моральная и политическая цель. Говоря словами Жюльена Бенда, это обращение к американским интеллектуалам: поступить так, как им хотелось бы, чтобы поступали мыслящие круги в других странах – распознать и преодолеть собственный национализм и преодолеть его во имя высших общечеловеческих ценностей. Для американских политических элит эта книга – напоминание о катастрофах, к которым национализм и национальное мессианство привели народы других великих стран в прошлом. Это призыв вернуться к прежним американским традициям реалистичной дипломатии, смягченной соображениями этики и совести. Безусловно, следуя этим традициям, Америка отнюдь не «покорится» другим странам. Вместо этого она продемонстрирует «достойное уважение» к мнениям и жизненным интересам

других народов и будет стремиться действовать в соответствии с этими принципами и искать им практическое применение.

В своей замечательной работе «Самонадеянность силы» («The Arrogance of Power»), посвященной критическому изучению тех мотивов, под воздействием которых Америка начала войну во Вьетнаме, Дж. Фулбрайт писал:

«Только нация, которая находится в ладу с собой, со своими преступлениями и правонарушениями, равно как и своими достижениями, способна великодушно понимать других... Когда у народа есть сила, но недостаточно уверенности в себе, такой народ может стать опасным для себя и для других. Чувствуя необходимость доказывать то, что очевидно для всех остальных, он начинает путать великую силу с беспредельной силой, а большую ответственность с беспредельной ответственностью: он не может допустить и мысли о своей ошибке, ему нужно непременно побеждать в каждом споре, пусть и незначительном... Америка, постепенно, но все более явно, демонстрирует признаки того высокомерия власти и высокомерия силы, которые уже подточили, а в некоторых случаях и уничтожили великие народы в прошлом. Поступая так, мы реализуем нашу способность и обещание стать примером цивилизованного общества для всего мира. И мы до такой степени не справляемся с этим, до какой патриоты нашей страны не выполняют свой долг относительно несогласия с подобными взглядами»⁵¹.

Глава первая Исключительный национализм?

Великой державой мы были уже слишком долго; это состояние стало привычным и, вопреки ожиданию, нас не осчастливило. Чувство, что оно не сделало нас приятнее, что оно ухудшило, а не улучшило наше отношение к остальному миру, глубоко запало в наши сердца, признавались мы себе в том или нет... Стало быть – война, и если придется – война против всех, чтобы всех убедить и всех покорить, – вот что решила «судьба» (какое «немецкое» слово, какое в нем первобытное, дохристианское звучание, какой трагифилологический, музыкальный драматизм!), и вот куда мы вдохновенно ринулись (вдохновение было только у нас) в уверенности, что великий час Германии наконец пробил; что нас благословляет сама история; что после Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир; что двадцатый век принадлежит нам.

Томас Манн. Доктор Фаустус (об атмосфере, царившей в Германии в августе 1914 года)⁵²

Террористические акты 11 сентября 2001 года, которые были совершены против США, еще более усилили присущий американцам национализм, который уже привел к своего рода «изоляции» страны в развитой части мирового сообщества⁵³. С этого момента данная особенность американской политической культуры стала одним из наиболее важных факторов отчуждения Соединенных Штатов от своих ближайших союзников в Европе и других стран. Национализм отделяет США от того, к чему европейцы пришли (своим собственным европоцентристским путем) в качестве центральной модели современного мира при ведении отсчета после 1945 года, а именно – к преодолению «современной» цивилизацией морали воинственного национализма и замене националистической односторонности международным сотрудничеством. Американский национализм не только вносит разногласия в вопросы политики, но также углубляет глубинные духовные различия.

Этот общий, глубокий и достаточно бездумный американский национализм был воспламенен в результате терактов 11 сентября 2001 года, а затем был взят на вооружение в собственных интересах силами, преобладавшими в администрации Буша: во внешней политике – для расширения имперского могущества США, во внутренней – для дальнейшего укрепления власти и богатства той прослойки населения, которую Майкл Линд назвал «элитой» (или «надклассом») американского правящего класса⁵⁴.

В ходе опроса общественного мнения, который был проведен в 1999 году, 72 процента взрослых американцев заявили, что гордятся своей страной. На втором месте по этому показателю была Великобритания – 53 процента, затем шла Франция – 35 процентов. С течением времени эти исторически устоявшиеся цифры практически не менялись. В 1999 году они весьма мало чем отличались от тех, которые были зафиксированы пятнадцать лет назад, в середине 1980-х годов (75, 54 и 35 процентов соответственно). В 2003 году шестеро из десяти американцев считали, что «наша культура превосходит культуру в других странах» (во Франции так полагали только трое из десяти человек).

Показатели, зафиксированные в США, очень близки к современной ситуации в развивающихся странах либо к ситуации в странах Европы в прошлом. Результаты того же опроса свидетельствуют о том, что 71 процент индийцев, 78 процентов мексиканцев и 85 процен-

тов филиппинцев выразили аналогичную гордость своими странами. Выявленное сходство Соединенных Штатов с указанными странами вызывает чувство удивления, поскольку по крайней мере среди мексиканцев и филиппинцев эта гордость обычно была связана с чувством национальной незащищенности и даже с комплексом неполноценности на национальном уровне.

Весьма большая доля молодых американцев в 1999 году также выразила желание «послужить чем-то на благо родины» – 81 процент (сравнительный показатель для Великобритании – 46 процентов, для Франции – 55 процентов). При этом, как показывает реакция общественности на последствия в войны в Ираке, когда дело доходило до действительно тяжелой, длительной и опасной службы, такие высказывания следовало воспринимать с некоторой оговоркой⁵⁵.

С явлением национализма тесно взаимосвязано широкое распространение в «массовой культуре» США национальной символики и национального языка. Это касается прежде всего самого очевидного из символов – национального флага, который активно используется на патриотических торжествах и изображение которого можно встретить даже на кассовых чеках в супермаркетах. Это гораздо больше напоминает Европу 1904 года, чем Европу как сообщество наций 2004 года. Повседневная жизнь американцев буквально пронизана постоянными упоминаниями (зачастую едва заметными и почти неосознанными) о своей стране, что также было весьма характерно для Европы накануне 1914 года.

Националистические фразы и символы широко используются в коммерческой рекламе так же, как это делалось в Европе в прежние времена. Они охватывают широкий диапазон: от открытой платной рекламы различных компаний с поздравлениями в адрес вооруженных сил США до более тонких приемов, один из которых, к примеру, использовала в своей рекламе Федеральная корпорация жилищного ипотечного кредита. Она на страницах газеты «Вашингтон пост» обратилась к лицам, впервые приобретающим жилую недвижимость, как к людям, делающим этот шаг во имя «жизни, свободы, счастья» и «создания нации домовладельцев»⁵⁶.

Тех, кто приезжает в Соединенные Штаты, зачастую поражают эти назойливые внешние проявления и изобилие символов осознанного национализма. Детей учат отдавать честь государственному флагу, а граждане, стремящиеся продемонстрировать свой патриотизм, вывешивают национальный флаг над своим домом. Слово «американский» произносится с таким пафосом, что сразу же становится ясно: «американский» гражданин, или обычай, или какой-либо институт обладает широким набором исключительно положительных качеств. Выражение «типичный американский парень» приобрело уже иронический оттенок, но тем не менее большинство американских родителей страстно желают видеть своих сыновей именно такими. И наоборот, прослыть «неамериканцем», человеком, «чуждым американским обычаям и понятиям», в США означает не только быть иностранцем или незнакомцем, это значит быть опасным, аморальным, ведущим подрывную деятельность, сознательно вводящим в заблуждение. Торжественные выступления на праздновании 4 июля представляют собой типичное проявление американского патриотизма, однако напыщенная риторика характерна не только для этих ораторских упражнений. Иностранцу, должно быть, удивительно слышать рассуждения политических и общественных деятелей вновь и вновь об особом характере и особой судьбе американского народа⁵⁷.

Уильям Р. Брок написал это еще в 1974 году, но его слова актуальны и для последующих поколений. В местном супермаркете я приобрел произведение под названием «Празднества в Америке: полезное руководство по вехам американского величия» из серии «Сделай свой дом лучше» (*A Celebration of America: Your Helpful Guide to America's Greatness of the Better Your Home series*)⁵⁸. Осенью 2003 года секция книг для детей книгоиздательства «Далтон»

в Вашингтоне включала стенд «Воспой Америку» с произведениями под названиями «Американские патриоты» (American Patriots), «Боже, благослови Америку» (God Bless America), «Американские перспективы» (America's Promise), «Первая леди Америки» (America's First Lady) – краткая агиография¹ Лоры Буш, а также «Патриотический букварь» (Patriotic Primer), «книга для детей от четырех до восьми лет», автор – Линн Чейни, жена вице-президента США Дика Чейни. Последнее произведение включало расшифровку всех букв алфавита от «А» («Америка – это земля, которую мы любим») до «Я» («Это последняя буква алфавита, но в истории Америки нет последней буквы. Сильные и свободные, мы всегда будем источником вдохновения для всего мира»)⁵⁹.

Так же, как в Европе в прошлые времена, практически во всех ведущих средствах массовой информации США на каждом шагу наталкиваешься на проявление моральной поддержки национальных вооруженных сил (хотя, конечно, не каждой конкретной операции). Журнал «Тайм» в 2003 году объявил «Человеком года» «американского солдата». Журнал «Пэрийд» (объединенный с газетой «Вашингтон пост» и другими изданиями в консорциум) регулярно публикует статьи на военно-патриотическую тему. Классическим примером является последний выпуск журнала 2003 года, в котором была опубликована статья с фотографией на обложке излучающего доброту военного медика США, несущего раненого иракского ребенка.

Еще в одном из изданий журнала «Пэрийд» была размещена статья о бывшей военнопленной Джессике Линч. На обложку журнала была вынесена фраза: «Присяга на верность никогда не будет для меня просто словами». Эта публикация увидела свет спустя несколько месяцев после того, как выяснилось, что большинство деталей ее пленения и освобождения из плена (согласно газете «Вашингтон пост») было совершенно немыслимым патриотическим преувеличением⁶⁰. Ведущие рубрики «Советы» в этом журнале (такие как «Дорогая Эбби») часто публикуют статьи о том, каким образом читатели могут поддержать американские войска за рубежом. В настоящее время такой практики нет даже в Англии и Франции, европейских странах с наиболее явно выраженным военным настроением, хотя когда-то она являлась повсеместной для европейских государств⁶¹.

Так же, как и для Европы прежних времен, для США характерен торжественный ритуал подтверждения национального единства. Речь идет о церемонии принесения Клятвы верности американскому флагу, которая каждое утро проводится в школах, и праздновании Дня поминовения в небольших городах. «На этих торжественных церемониях появляется и неотвязно преследует ощущение, граничащее с убеждением, что Америка является страной, которой Бог определил особое предназначение»⁶². Конечно, в каждой европейской стране есть свои национальные обычаи, традиции и церемонии. Однако редко когда они отмечаются так широко и с таким эмоциональным подъемом, как это делается в Соединенных Штатах. В свое время крупный исследователь Америки русского происхождения, редактор журнала «Нэйшн» Макс Лернер (1902–1992) высказался следующим образом: «Культе нации как социальный миф красной нитью проходит через всю американскую историю»⁶³. Алексис де Токвиль отметил этот культ еще в 1830-е годы, объяснив его тем фактом, что «демократические институты, как правило, формируют у людей возвышенное представление и о своей стране, и о самих себе» (наряду с этим он также с раздражением подчеркнул, что «невозможно представить себе более суетливого и болтливую патриотизма»)⁶⁴. В то время даже во Франции у обычных деревенских жителей зачастую не было никакого реального представ-

¹ Агиография – наука, изучающая жития святых. (Прим. переводчика.)

ления о Франции и французской самобытности, вместо этого они были привержены лишь родственным чувствам⁶⁵.

Солидный возраст массового американского национализма объясняется другими ключевыми особенностями американской «исключительности». Североамериканские колонии унаследовали от Великобритании глубокое чувство достаточно четко выраженной национальной культурной самобытности, сердцевиной которой является смешение протестантского вероисповедания и веры в правовые институты, свободу и представительную власть⁶⁶. Эта самобытность была воплощена в созданных американцами собственных структурах государственности, а затем в Конституции США.

Тот факт, что, как колонисты в новой стране, американцы были в каком-то смысле действительно «рожденными равными», был предложен многими исследователями, начиная с Токвиля, в качестве объяснения принципиальной разницы между политическими традициями и культурой Соединенных Штатов и Европы. Поскольку в Соединенных Штатах не было феодальных традиций и аристократии, они смогли избежать бурных социальных потрясений, социализма и большинства политических форм и традиций, которые явились результатом этих перемен и тенденций.

В итоге, когда спала пена политических стычек, проявилась удивительно однородная, единая, практически неизменная, общепризнанная всем гражданским обществом националистическая идеология: «Всепоглощающий американский национализм так же стар, как и сама страна»⁶⁷. Характеризуя это явление еще в начале XX века, Херберт Кроули, первый редактор журнала «Нью рипаблик», писал в 1909 году:

«Вера американцев в свою страну носит религиозный характер, если не по силе, то, во всяком случае, по ее почти абсолютной и всеобщей значимости. Ею проникнут сам воздух, которым мы дышим. В детстве мы слышим, как она звучит, прямо или косвенно, в разговорах старших. И на каждой новой стадии воспитания мы получаем дополнительные подтверждения этой веры. Журналисты и писатели, ораторы и драматурги, даже если они не имеют прочих заслуг, во всяком случае выступают усердными проповедниками этой Истины. При этом скептикам не возражают, их просто не замечают. Это такая вера, которая составляет подтекст мышления, а не предмет его и – осознанно или неосознанно – входит в нашу частную жизнь, воздействуя на формирование личности»⁶⁸.

Дух 1914 года и национализм

Такие настроения были существенно усилены терактами 11 сентября 2001 года, которые на какое-то время привели к национальному единству и экзальтации, что напоминало ситуацию с европейскими государствами накануне войны в 1914 году, а также с различными вариантами Священного союза Франции в том же году, когда Руперт Брук благодарил Бога:

Хвала Творцу, что не забыл о нас,
Дал в молодости от сна очнуться⁶⁹.

В книге под названием «Почему мы воюем», отражая в то время чувства множества американцев различных политических взглядов, католик консервативного толка Уильям Дж. Беннетт писал:

«За катастрофой 11 сентября последовал стихийный подъем национального чувства. Совершенно неожиданно, в мгновение ока, из жизни нашего народа, казалось, исчезло все мелкое, эгоцентричное, мстительное, упадническое, враждебное нам. Внезапно повсюду появились национальные флаги, появились и продолжали висеть. Внезапно у нас вновь

появились герои – и какие: полицейские и пожарные, спасатели, военные и просто авиапассажиры, которые сорвались со своих мест, чтобы вступить в бой с воплощением зла».

Именно так все и было. На целые недели и даже месяцы после 11 сентября 2001 года политические разногласия, казалось, утратили актуальность, расовые различия были сведены к нулю. Цинизм и ирония были отвергнуты, весьма популярной стала любовь к родине... Что-то в этих событиях, как писала патриотка Пегги Нунан, «что-то в том, как люди разного цвета кожи, разных вероисповеданий и рас помогали друг другу, были все вместе, зависели друг от друга и полагались друг на друга, заставило нас осознать: в этот день мы бесповоротно решили свою судьбу. Мы скрепили печатью тот договор, который заключили уже давно, мы скрепили печатью то обещание, которое уже давным-давно дали друг другу... Мы – американцы»⁷⁰.

В этом же духе кайзер Вильгельм II объявил в августе 1914 года: «Я не признаю больше никаких партий, есть одни лишь немцы». Эрнст Глезер так выразил царившие в то время в Германии настроения: «В конце концов, в жизнь вернулись идеалы. Великие добродетели человечества, верность, патриотизм, готовность умереть за идеалы... восторжествовали над духом торгашества и лавочничества... Война должна очистить человечество от всего его сора»⁷¹. Ранее в том же году Жорж Дюрок писал: «Действовать. Нет больше сомнений относительно моей страны или моих собственных сил. Действовать. Служить... Нет места больше спорам, довольно вопросов самому себе»⁷².

Однако, вспоминая европейскую историю после 1914 года и действия Республиканской партии после 11 сентября 2001 года, обращаешь внимание на то, что ряд высказываний в устах политиков и министров содержали достаточно много сознательной или неосознанной лжи, прежде всего относительно того, что касалось предполагаемого прекращения межпартийных разногласий и отказа от «партийных политических пристрастий». Администрация Буша и Республиканская партия (которой принадлежат Беннетт и Нунан), на самом деле беззастенчиво ринулись набирать очки за счет чрезвычайного положения в стране, чтобы укрепить собственные позиции на внутривнутриполитической арене и обеспечить свои проекты внутренней политической программы.

Крайне маловероятно, к примеру, чтобы республиканцы смогли бы в ноябре 2002 года восстановить контроль над Сенатом или протолкнуть законопроект о снижении налогов, откровенно отвечавший интересам состоятельного класса, не апеллируя к избирателям с националистическими лозунгами⁷³. Аналогичные призывы обеспечили также поддержку военным действиям в Ираке со стороны тех американцев, которые на самом деле были обеспокоены данной проблемой. Джилл Лонг Томпсон, обычная жительница Саут-Бенда, штат Индиана, до начала войны в Ираке выразилась следующим образом: «Думаю, что люди весьма обеспокоены нашим возможным ударом [по Ираку], но мы во Втором округе настроены очень патриотично, и мы поддержим нашего президента и наши войска»⁷⁴.

Стратеги из Республиканской партии зачастую достаточно откровенно высказываются на эту тему. Так, например, перед Посланием президента США Дж. Буша Конгрессу «О положении в стране» в январе 2004 года газета «Вашингтон пост» сообщила следующее: «Представители Белого дома заявили, что они рассчитывают использовать выступление президента, которое будет транслироваться на аудиторию, насчитывающую более 60 миллионов человек, для создания имиджа Буша как руководителя военного времени, который стоит над схваткой политиков, как главнокомандующего Вооруженными силами страны, а не кандидата в президенты... По словам советников Буша, именно в этом будет заключаться суть его выступления, которое будет выдержано в торжественном тоне и в оптимистическом ключе: «Мы – нация, находящаяся в состоянии войны. Мои смелые решения усилили безопасность

Америки, но мы еще не в полной безопасности. Что касается внутренней политики, то курс моей администрации сделал нас благополучнее и богаче. Однако я удовлетворен еще не в полной мере, и Конгресс должен принять больше из тех предложений, которые выдвинуты с моей стороны»⁷⁵.

Когда такие пропагандисты из числа республиканцев, как Беннетт, писали об эпохе «беспартийности» после 11 сентября 2001 года, с учетом вышеизложенного это весьма напоминало то, как во время Первой мировой войны немецкие патриотически настроенные писатели, такие как Томас Манн, характеризовали себя как «аполитичных», «находящихся вне политики» и призвали своих соотечественников к тому же самому⁷⁶. Они не только выступили в поддержку войны и националистических политических лозунгов, но зачастую стремились также защитить вполне конкретный класс и его политический курс. Прибегнуть к национализму, чтобы создать для какой-либо партии массовый электорат из числа землевладельцев, имущих классов и интеллигенции, – накануне 1914 года это было обычной стратегией оказавшихся в опасности элит в европейских странах.

В основе такой политической эксплуатации национализма обязательно лежит сознательное лицемерие или циничное и хладнокровное манипулирование общественным мнением, хотя эти факторы, конечно же, присутствуют. Дело скорее заключается в том, что, как и их предшественники в Европе, правые националисты в Соединенных Штатах и те силы, которые преобладают в администрации Буша, непоколебимо и искренне отождествляют себя со своей страной, причем настолько, что наличие представителей любых других групп в органах власти уже воспринимается не как поражение, а как попытка узурпации, как что-то глубоко и принципиально незаконное и «антиамериканское». Они настолько тесно отождествляют самих себя и свои интересы с «Америкой» и ее интересами, насколько кайзер и прусские дворяне отождествляли себя с «Германией», а царь и российские дворяне – с «Россией» и ее интересами.

Империализм и национализм

Отождествление элитами себя со своими странами самым тесным образом связано с использованием национализма в интересах империализма. Элиты рассматривали эти интересы также как высшее национальное благо, которое не может быть осознано невежественными массами и которое должно быть навязано им при необходимости путем обмана. Хорошо известно, что Редьярд Киплинг и другие сторонники империализма презирали простой народ других стран с их жалким образом жизни и простыми желаниями, с их равнодушием к имперским взглядам и нежеланием умирать за эти взгляды.

Точно так же в глубине души и администрация Буша относится к американскому народу. Как отмечали многочисленные комментаторы, от историка Эндрю Басевича до писателя-юмориста Билла Маэра, с первых же дней после 11 сентября 2001 года администрация Буша продуманно отказалась от риторических призывов к американскому народу к каким-либо жертвам и взамен призвала его вернуться к нормальной структуре расходов для поддержки экономики: «Основной обязанностью обычного гражданина на период чрезвычайного положения является оставаться тем, кем он был в мирное время: движущей силой потребления». Право на жертвы сохранялось лишь за вооруженными силами⁷⁷.

К началу 2004 года стало ясно, что Соединенным Штатам для ведения в Ираке длительной войны противопартизанского типа недоставало как воли нации, так и ее средств (даже при учете очень низких, по историческим меркам, потерь). США могли также встретиться с серьезными проблемами в случае необходимости одновременного ведения более одного крупного вооруженного конфликта, хотя национальная военная доктрина предусмат-

ривала такую необходимость (по крайней мере, участие в таких конфликтах не только кораблей ВМС и авиации ВВС, но и крупных наземных группировок, если только сама страна вновь не подвергалась непосредственной агрессии). Более того, оккупация Ирака в очередной раз продемонстрировала отсутствие у простых американцев желания защищать имперские интересы, жертвуя ради этого благосостоянием и жизнями⁷⁸.

Упомянутое отсутствие желания участвовать в войнах для защиты имперских интересов в случае с Ираком проявилось, несмотря на то что очень многие американцы продолжали верить, что Саддам Хусейн был непосредственно причастен к терактам 11 сентября 2001 года и что поэтому (как само собой разумеющееся) война с Ираком была законным актом обычной самообороны. Факт причастности Саддама Хусейна был весьма бездоказателен, но получил мощную поддержку со стороны ведущих чиновников администрации Буша и средств массовой информации, выступивших за военную кампанию, таких как «Фокс Ньюс» (новостной круглосуточный телеканал правого толка, принадлежащий Руперту Мёрдоку). Согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного Институтом Харриса, по состоянию на февраль 2004 года 74 процента респондентов по-прежнему верили в то, что до начала военных действий между Ираком и «Аль-Каидой» либо существовала вполне определенная связь, либо она была возможна. Опрос общественного мнения, проведенный телеканалом «Эн-би-си» в марте, показал, что 57 процентов респондентов продолжали верить, что Ирак обладал оружием массового поражения⁷⁹.

С учетом этой убежденности в связи Ирака с «Аль-Каидой» в некотором смысле весьма примечательна даже не степень поддержки войны в Ираке, а то, что она не оказалась еще выше. В конце концов, если бы я был убежден, что это Саддам Хусейн напал на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года, я бы, безусловно, поддержал войну в Ираке, как я поддержал войну против «Аль-Каиды» и движения «Талибан» в Афганистане; и в Афганистане я бы, безусловно, поддержал долгосрочные обязательства, необходимые для обеспечения безопасности и закрепления итогов победы. И такие чувства, несомненно, испытывали бы многие другие противники войны в Ираке.

Во время избирательной кампании в США 2000 года, согласно опросам общественного мнения, вопросы внешней политики и политики в области безопасности практически не обсуждались и не относились к числу проблем, заботивших американских избирателей. Даже те избиратели, которые заявили о поддержке Буша, в сентябре 2000 года поставили вопросы внешней политики и безопасности в списке приоритетов на седьмое место. Только 6 процентов избирателей заявили, что позиция кандидата в президенты по этим вопросам для них наиболее важна. Наивысший интерес был проявлен к проблемам налогов и аборт: согласно опросам, каждой из этих проблем были обеспокоены 22 процента избирателей. Избиратели, высказавшиеся в поддержку Гора, вообще не упомянули проблему обороны в качестве приоритетной. Никто из этой категории избирателей не упомянул также вопросы внешней политики как таковые⁸⁰.

Издание «Нью-Йорк таймс» прокомментировало пренебрежение Буша этими вопросами следующим образом: «В последующем Буш, очевидно, решил, что слишком много разговоров о внешней политике вредят делу. Он часто говорил своим друзьям и знакомым о том, что его отец восемь лет назад проиграл Биллу Клинтону, сосредоточившись на международных вопросах, тогда как неопит из Арканзаса уделил основное внимание экономике»⁸¹.

Нежелание народных масс идти на серьезные жертвы ради империи не ново. До Первой мировой войны управление сформировавшейся Британской империей обходилось достаточно дешево (поскольку осуществлялось в основном местным персоналом, почти так же, как в случае с присутствием США в Афганистане после 2001 года), аналогичная картина наблюдалась и в отношении других колониальных империй. Обеспечение королевского

флота, безусловно, требовало больших средств, но в то время он был, так или иначе, абсолютно необходим для защиты собственно Британских островов на случай возможной агрессии или блокады.

Тогда, как и сейчас, учитывая подавляющее превосходство огневой мощи и военной организации западных стран, огромные территории можно было завоевать, затратив на это минимум усилий и с минимальным риском. Когда европейские империи сталкивались с необходимостью платить действительно высокую цену за завоевание и удержание новых территорий (для британцев это был Афганистан, для итальянцев – Эфиопия), они, как правило, предпочитали просто отступить. По мнению историка Британской империи Найла Фергюсона, беспрецедентно тяжелые потери британской стороны в англо-бурской войне можно считать началом процесса британского разочарования в империи⁸².

Генеральные штабы и реакционные власти Европы были прекрасно осведомлены об отсутствии готовности у народных масс идти на жертвы ради империй. Располагая критическими исследованиями Клаузевица и объективными полицейскими отчетами о настроенных пролетариев, они осознавали важность поддержки любой серьезной войны со стороны народных масс и зависимость удаленности границ империи от возможностей по мобилизации этих масс. Поэтому, когда только это было возможно, разумные правительства всегда использовали для колониальных войн добровольцев и иностранных наемников, а не призывников. Сегодня в результате широкого распространения на Западе культуры демилитаризации даже использование военнослужащих-профессионалов стало непопулярным, свидетельством чему является недовольство общественности Соединенных Штатах ростом числа погибших в Ираке.

Для этой совершенно определенной цели был создан французский Иностраннный легион. В составе британской армии также было небольшое подразделение добровольцев, но Великобритания к решению задач ведения колониальной войны и полицейским функциям предпочитала как можно шире привлекать индийские войска. Когда в колониальных войнах задействовались призывники, результаты зачастую были катастрофическими как для самой военной кампании, так и для внутривойсковой стабильности. Подтверждением этому может служить ситуация в Италии после ее поражения при Адуа в Эфиопии во время кампании 1896 года, в России после русско-японской войны 1904–1905 годов, в Испании после ее разгрома в битве при Анвале в Марокко в 1921 году, который в некотором роде привел к началу Гражданской войны в Испании⁸³.

«Революция в военном деле» в США, заключающаяся в развитии высоких технологий в качестве замены личного состава в сочетании с использованием местных ресурсов в Афганистане и в других странах, представляет собой новую империалистическую версию британского принципа использования «канонеров и гуркхов» в интересах сохранения собственных войск⁸⁴. Однако, как продемонстрировали неудачи в Ираке, высокие технологии и местные ресурсы выручают лишь до определенной степени. При истинно имперской стратегии применение крупных группировок американских войск будет неизбежным, и это вряд ли найдет поддержку у американской общественности, если только ее нельзя будет убедить, что данный шаг необходим не для защиты империи, а в интересах самой нации.

В произведении Дугласа Порша о завоевании Францией Марокко представлены увлекательные описания различных уловок, к которым прибегали маршал Юбер Лиоте и другие французские сторонники империализма, чтобы убедить весьма скептически настроенную французскую общественность поддержать эту авантюру. Многие считали, что она экономически бессмысленна, дорогостояща и отвлекает от необходимости укрепления обороноспособности Франции с учетом реальной угрозы со стороны Германии. Какая-то часть французских призывников служила в Алжире (юридически эта территория считалась частью

Франции, а не колонией), и служба там была крайне непопулярна у французской молодежи. Страх оказаться на военной службе в колонии усиливал прежнюю ненависть к военной службе со всеми ее опасностями, лишениями и притеснениями, особенно среди крестьян, и эти настроения получили широкое распространение по всей Европе⁸⁵.

Французский ультраправый националист Поль Делуред заявил, что в Эльзасе и Лотарингии он потерял двух сестер, а взамен французские колонизаторы предложили ему «двадцать черных рабов»⁸⁶. Вот таким образом обеспечивалась пропаганда «цивилизаторской миссии» Франции и необходимости создать современное марокканское государство, отменив в этой стране «варварство». Одновременно высказывались предположения, что, поскольку у Германии также были определенные виды на Марокко, расширение борьбы с Германией предполагало усиление контроля Франции над марокканской территорией⁸⁷.

Основная стратегия капиталистических элит в Европе до 1914 года в области внутренней политики заключалась в том, чтобы в гораздо меньшей степени полагаться на империализм, чем на национализм в интересах сплочения народных масс и обеспечения их поддержки в качестве защиты от социализма. Таким образом, тем порывом, который заставил народные массы европейских стран в 1914 году поддержать войну и принести себя в жертву, оказался национализм, который повсеместно выражался в искренней вере в то, что отчизна находилась в непосредственной опасности.

Как отмечает Жан-Жак Беккер, рассматривая ситуацию с Францией, несмотря на сильный дух национализма, царивший перед Первой мировой войной в значительной части французской культуры, первоначальной реакцией населения на июльский кризис 1914 года стала обеспокоенность сложившейся ситуацией и стремление к ее мирному урегулированию. И только появление немецкого ультиматума, явившегося очевидной угрозой агрессии против страны, вызвало в массах энтузиазм относительно развития событий в направлении войны⁸⁸. Несмотря на периодические всплески напряженности в результате колониального соперничества, в действительности в течение десятилетий до 1914 года великие европейские державы никогда не решались на войну из-за колониального вопроса (за исключением России и Японии в 1904 году). Одна из основных причин этого заключалась во вполне обоснованных сомнениях европейских правительств и военных кругов относительно реакции народных масс на кровопролитную войну, которая могла начаться в результате конфликта между двумя алчными хищниками в непроходимых африканских джунглях.

Террористические акты 11 сентября 2001 года явились вполне реальным и жестоким актом агрессии, совершенной непосредственно на континентальной территории США. Любая американская администрация (как и любая уважающая себя страна) была бы вынуждена пойти на ответные меры, стремясь уничтожить виновных в этом. Война по уничтожению сил «Аль-Каиды» в Афганистане и их покровителей из числа талибов была совершенно законным ответом на события 11 сентября, как и действия США против «Аль-Каиды» и ее союзников в других странах мира. Администрация Буша, однако, наряду с этим привила американской общественности страх перед гораздо более серьезными угрозами для США со стороны Ирака, Ирана и Северной Кореи – государств, которые не имели никакого отношения к «Аль-Каиде». Действуя подобным образом, администрация Буша сформировала у общественности убеждение в том, что все, что США ни делают, является, по существу, оборонительными мерами и ответом на «терроризм». Навязывая эту веру своему народу, американское руководство тем самым может создавать предпосылки к его мобилизации (до определенной степени) на имперскую войну⁸⁹.

Но даже администрация Буша должна была оставаться в определенных границах. Общая установка на враждебность по отношению к мусульманам и неспособность провести различие между совершенно несхожими исламскими государствами, традициями и идеоло-

гиями сделали возможным смешать в умах большинства американцев Ирак и «Аль-Каиду»; но даже Бушу пришлось воздержаться от заявлений о причастности русских, или китайцев, или северокорейцев к терактам 11 сентября 2001 года. В этом отношении необходимо отметить, что в ходе первой избирательной кампании Буша имперские амбиции его последователей были преднамеренно завуалированы. Достаточно вспомнить его высказывание о том, что Соединенные Штаты должны проявить более «скромный» подход к международным делам, а также сделанное им заявление: «Меня беспокоит избыточное присутствие наших вооруженных сил во всем мире. Я бы высказался за их разумное использование»⁹⁰.

Крайне важно иметь в виду различие между империализмом и национализмом. Один из основных способов понять политическую стратегию администрации Буша после событий 11 сентября 2001 года (как и в случае с ее европейскими предшественниками) заключается в осознании того, что она настойчиво пыталась осуществить программу имперской гегемонии, подпитывая ее уязвленным, а также сбитым с толку и одурманенным национализмом.

Помилованные историей

Как и европейские сторонники империализма ранее, многие американцы искренне убеждены, что национальные интересы и амбиции их страны совпадают с идеалами добродетели, цивилизации, прогресса и с чаяниями всего человечества⁹¹. Коллективный самообман представителей общей совместной политической культуры, обусловленный смесью идеологии и корысти, как раз и является сейчас предметом обсуждения. Как совершенно замечательно высказался Макс Вебер, «человек является существом, обвешанным паутиной значений, которую он сам же сплел»⁹².

Иначе говоря, получивший в европейских странах накануне Первой мировой войны широкое распространение культ национализма отчасти явился продуктом продуманной стратегии европейских элит по борьбе с социалистическим движением и сохранением за собой ведущей роли путем мобилизации народных масс на поддержку национализма. Однако, как результат, несчетное число сыновей этих элит (офицерский корпус старой Европы) с искренней верой принесло себя в жертву национализму⁹³.

Надо признаться, что перспективы самопожертвования не вызвали у правых националистических элит США большого энтузиазма, однако зловещий отголосок подобной практики европейских предшественников нашел отражение в рассуждениях этих элит. Это проявилось прежде всего в двух взаимосвязанных навязчивых идеях: о духовном и нравственном упадке, а также о предательстве отчизны. У этих навязчивых страхов – весьма старые духовные, расовые и религиозные корни. Обе эти идеи видоизменились, усилились и укоренились с началом холодной войны, обе получили новый импульс в результате терактов 11 сентября 2001 года. Так, например, Шон Хэннити, теле- и радиоведущий правого толка, каким-то образом смог увязать однополюсные браки с Адольфом Гитлером, обозначил это как зловещую угрозу США и заявил: «Мы ведем в своей стране битву с теми, кто хочет подорвать основы Америки, разрушить иудео-христианские ценности, сделавшие США сильными»⁹⁴.

Католический консерватор Уильям Беннетт объяснил эту обеспокоенность «морально-нравственным упадком» тем, что он может явиться источником национальной слабости, причем наибольшей опасности подвержены либеральная интеллигенция, научные круги и учащаяся молодежь⁹⁵. Следует отметить, что часть этой критики в адрес левого образовательного сообщества и научных кругов США вполне оправданна. Во второй главе затрагиваются некоторые противоречащие здравому смыслу перегибы академической «политкор-

ректности». Даже ветеран радикалов Ричард Рорти осудил тот факт, что «теперь у нас, среди множества американских студентов и преподавателей, преобладают равнодушные, внушающие отвращение, глумливые левые, а не те левые, которые мечтают об успехах своей отчизны»⁹⁶.

Вместо того чтобы стараться поощрить обсуждение вопросов, касающихся укрепления внутреннего положения в США и совершенствования политики американского руководства, Беннетт и его соратники, такие как Линн Чейни, явно стремятся прекратить дискуссии на эти темы. У такого подхода есть исторические аналогии, вызывающие серьезную обеспокоенность. Присущий сторонникам такого подхода стиль речи о нравственно здоровой, патриотичной нации американцев, отличающейся от оторванной от исторических корней, морально недостойной этой нации интеллигенции прямо возвращает нас к некоторым историческим европейским документам. Например, к сделанному в Германии в 1881 году националистскому заявлению, в котором говорилось о «зловещих силах», подрывающих религию, мораль и патриотизм, которые служили «исконной, прочной основой и отличительными особенностями нашей нации»⁹⁷. В Соединенных Штатах подобного рода идеи получили широкое распространение в результате холодной войны, которая вызвала рецидив беспокойства относительно того, что страна становится морально и физически слишком дряблой, слишком вялой, чтобы тягаться с предположительно «целеустремленным, серьезно настроенным, дисциплинированным» советским обществом⁹⁸.

Конгрессмен от Республиканской партии и бывший спикер Палаты представителей Конгресса США Ньют Гингрич читал в учебных заведениях штата Джорджия, отличавшихся консервативным духом, курс лекций под названием «Обновление американской цивилизации». Записи этих лекций распространялись среди активистов Республиканской партии. Политические оппоненты характеризовались в них как «разложившиеся, несостоявшиеся, мелкие, жалкие, коррумпированные, некомпетентные, извращенные личности, ренегаты и предатели»⁹⁹. Именно такую лексику ультраправые представители используют перед огромной аудиторией в отношении демократов, либеральной интеллигенции и европейцев.

Язык этих общественно-политических деятелей весьма сильно напоминает то, что Джордж Мосс назвал «риторикой беспокойства», которая была присуща националистам накануне 1914 года. Она касалась как внешних угроз, так и деятельности подрывного характера непосредственно внутри страны в области морали, секса, политики. По своему нарочито истерическому тону заявления упомянутых общественно-политических деятелей похожи на эту риторику¹⁰⁰. Такая позиция проявляется отнюдь не в отдельных едких ремарках в средствах массовой информации. Такая риторика в своем антиинтеллектуализме, антиэлитарности, антисекуляризме и антимодернизме затрагивает очень глубокие струны в душе значительной части того меньшинства американцев, которое ощущает себя глубоко чуждыми миру в его нынешнем виде.

Как отмечается в произведении Мосса, с этой традиционной националистической риторикой беспокойства тесно связано одно из фактически универсальных проявлений языка правых националистов на протяжении всей их истории, а именно: навязчивая идея о существовании угроз для национальной мужественности и о предполагаемой женоподобной слабости отечественных и зарубежных критиков. В этой связи достаточно вспомнить знаменитую фразу Роберта Кагана: «Американцы – с Марса, а европейцы – с Венеры». В более грубой форме это звучит следующим образом: европейцы – «слабаки». Ли Харрис, еще один писатель ультраправого националистического толка, усматривает «первооснову цивилизации» в «спартанской безжалостности». Роберт Каплан призывает американцев вновь обрести в ходе вооруженных конфликтов «языческие добродетели и мораль»¹⁰¹.

В исследовании британского историка и журналиста Тимоти Гартона Эша подобные американские публикации о Европе характеризуются следующим образом: «Если антиамерикански настроенные европейцы представляют себе американцев задиристыми ковбоями, то в глазах антиевропейски настроенных американцев европейцы – изнеженные педерасты. Американец – это сильный гетеросексуальный мужчина; европеец – женщина, импотент или кастрат... Как я обнаружил, слово «евнухи» может быть написано [американцами] как «ЕВнухи»¹⁰².

Значительную часть такого рода разговоров можно рассматривать просто как глупость, хотя, как продемонстрировал министр обороны Дональд Рамсфелд, такое отношение и такие высказывания о Европе приводят в реальном мире к серьезным последствиям. Гораздо более зловещую значимость имеют ремарки правых националистов о «национальном предательстве». В сегодняшней Америке, как и во многих других странах в прошлом, такая риторика способствовала организации внутренних репрессий и их оправданию. И, как свидетельствуют некоторые действия администрации Буша, теракты 11 сентября 2001 года и последовавшая за ними война против терроризма, которой не предвидится конца, в очередной раз продемонстрировали, что такая позиция должна вызывать серьезную озабоченность¹⁰³.

Некоторые из этих высказываний были направлены против мусульманских групп в Соединенных Штатах – и это действительно отчасти было оправданно. Наряду с этим много усилий было направлено на то, чтобы очернить политических и интеллектуальных противников правых националистов. Удивительная книга Энн Коултер «Измена» (Treason) представляет собой очевидную попытку изобразить либералов (и демократов как категорию, к которой она относится аналогично) как предателей Америки и во время холодной войны, и во время «войны против терроризма». Как уже отмечалось, с такими же обвинениями выступали представители правых средств массовой информации Шон Хэннити, Билл О'Рейли, Раш Лимбо и Майкл Севидж, то есть те фигуры, у которых есть огромная и благодарная аудитория и за спиной которых – громадная сила в лице крупнейших американских теле- и радиоканалов¹⁰⁴.

После событий 11 сентября 2001 года организация, возглавляемая Линн Чейни, подготовила список из 117 высказываний американских ученых и студентов, которые, по мнению авторов этого документа, «морально двусмысленны», или носят антиамериканский характер, или же совмещают оба этих параметра и, «с позиции американского среднего и высшего учебного заведения, не отражают отношения США к терактам». Указанные высказывания, которые подверглись осуждению, варьировались от действительно безнравственных и неприемлемых, например, таких как «Любой, кто может взорвать Пентагон, получит мой голос» (высказывание № 14), до заявлений типа «Нам следует создавать мосты и отношения, а не бомбы и стены» (высказывание № 19) и «Невежество порождает ненависть» (высказывание № 49)¹⁰⁵.

Бывшие влиятельные чиновники и пользующиеся уважением обозреватели, включая Ричарда Перла, Дэвида Фрума и Ирвинга Кристола, также сделали обвинения в национальном предательстве основой своей риторики. При этом Фрум осудил не только либералов, но «непатриотичных» консерваторов, которые выступили против войны в Ираке, тем самым начав «войну против Америки»¹⁰⁶. Последняя книга Хэннити была озаглавлена: «Избавь нас от лукавого: борьба с терроризмом, деспотизмом и либерализмом»¹⁰⁷. В качестве подтверждения того, что в настоящее время происходит в США, возник дух старого, неприглядного немецкого националистического оскорбления – Nestbeschmutzer («тот, кто гадит в собственном гнезде» или «злопыхатель, поливающий грязью своих близких»).

Готовность значительного числа американских политиков и интеллектуалов прибегать к такой риторике, а США в этом отношении отличаются от Европы и других частей цивили-

лизованного мира, тесно связана с тем, что также является одной из существенных причин американской «исключительности» в хорошем смысле этого слова. Имеется в виду то, что Соединенные Штаты были избавлены от крупнейших катастроф, которые пережила Европа за последние два столетия, поскольку им повезло, по выражению президента Томаса Джефферсона, «по воле самой природы быть отделенными широким океаном от убийственного хаоса, который властвует на четверти земного шара»¹⁰⁸.

Первый и решающий фактор, как отметил Токвиль, заключался в спасении от французской и других европейских революций после 1789 года и от тех потрясений, которые они породили. Затем весьма важным отличием Соединенных Штатов от остального цивилизованного мира является то, что страна избежала поистине опаляющих последствий войн и революций XX века. Безусловно, народ США участвовал в обеих мировых войнах, вооруженные силы США принимали в них участие с впечатляющим мужеством и самоотверженностью, отдельные подразделения при этом понесли ужасные потери. Но в целом американские потери пропорционально к численности населения страны были очень малы, если сравнивать их с потерями ведущих европейских государств. Необходимо прежде всего отметить, что США были избавлены от вторжения или бомбардировок.

Слишком много европейцев и японцев подверглись пыткам, были заключены в тюрьму или казнены по обвинению в той или иной «государственной измене» (или же принимали участие в пытках и расстрелах) или даже за то, что обращались с этим словом слишком необдуманно. Слишком многие были убиты, искалечены, изнасилованы или же погибли от голода во время войн из-за языка воинствующего, направленного против других национализма, чтобы принять его – не только в политических или интеллектуальных кругах, но и просто среди народа. Даже наименее образованные европейцы сохранили семейную память о деде, убитом под Ипром, или дяде, покалеченном под Сталинградом, о доме, разрушенном в Кельне или Варшаве, об изнасилованиях и вынужденной проституции от Неаполя до Берлина и Краснодара.

Именно потому, что данный язык, такой стиль, стиль Беннетта, постоянно использовался интеллектуалами и политиками всех крупных европейских государств в 1914–1915 годах, а затем – в Германии и Италии в период между 1939 и 1941 годами, – для любого европейца сегодня весьма затруднительно писать или говорить такими терминами. Это не просто проблема выражения мыслей, которые могут принадлежать частным лицам, но вопрос о допустимости публичного выражения таких мыслей, которые открыто говорят о расизме в Соединенных Штатах. Для образованных европейцев *психологически* очень трудно даже думать в рамках такой терминологии¹⁰⁹. И это верно как для европейских элит, так и для населения в целом. В 1914 году, когда Европа вступила на убийственный путь национализма, ее первым шагом стало уничтожение младшего поколения старых европейских элит. К 1945 году рухнуло господство самих этих элит, причем во многих случаях вместе с их государствами.

Американские капиталисты, тем не менее, как и Америка в целом, избежали европейских катастроф первой половины XX века. В этом Америке очень повезло. Но это одновременно означает, что Соединенные Штаты и их руководители избежали, пожалуй, наиболее жестоких уроков, которые когда-либо были известны миру при необходимости обеспечить в определенных рамках социальные, классовые, экономические и национальные цели и притязания. Более явный радикализм американского капитализма, следовательно, также определяется характером нации, которая была избавлена от ужасных последствий, к которым приводят такие капиталистические эксцессы. Эта форма американского капитализма, в свою очередь, обеспечивает более явный радикализм американских правых и сам дух американского национализма. Этот комплекс радикальных взглядов проявляется в редакционных статьях основного издания американского делового мира «Уолл-стрит джорнэл». Чтобы ощу-

тить разницу между моралью и политикой американских капиталистов (в комплексе) и их европейским соответствием, нет ничего лучше, чем сравнить статьи в «Уолл-стрит джорнэл» с европейскими аналогами – статьями в изданиях «Файнэншл таймс» (Лондон), «Франкфуртер альгемайне» (Франкфурт), «Коррьере делла сера» (Милан) и прочими. Эта разница проявилась, например, в том, какой ужас ощущался в передовых статьях издания «Файнэншл таймс» в качестве реакции на решение президента США Буша о снижении налогов.

Самое главное, что бросается в глаза в материалах «Уолл-стрит джорнэл» (издания, которое представляет собой, по всей видимости, вполне довольный собой и влиятельный класс капиталистов), – это готовность их авторов как к радикальным высказываниям, так и просто к проявлению ненависти. В передовых статьях «Уолл-стрит джорнэл» президент Билл Клинтон преподносился как духовно чуждый элемент, опасный радикал и национальный предатель. Такая оценка напоминала то, как «Уолл-стрит джорнэл» и большая часть капиталистов назвала в 1930 году «коммунистом» Франклина Делано Рузвельта, человека, который, вероятно, сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы сохранить класс американских капиталистов и распространить их влияние в мире. Объяснение этому нецивилизованному поведению следует искать в том числе в обеспокоенности духовных и расовых кругов консервативного толка, которая будет рассмотрена в следующей главе. Наряду с этим не менее важно, что накануне 1914 года принцип, который неукоснительно соблюдали американские капиталисты, заключался в их безоговорочном праве ставить свои условия государству и обеспечивать себе прибыль.

Особый характер американского капитализма находит свое отражение в современном характере Республиканской партии. Как и многие партии во всем мире, носящие такое же название, Республиканская партия уже давно утратила те ценности, которую ей когда-то оставили исторические деятели. В 2004 году нелегко было представить по-настоящему наглядный образ демократов, учитывая масштабную и странную мешанину классовых, этнических, моральных и идеологических точек зрения, которую они излагали. «Прогрессивные либералы» – возможно, это явилось бы самой реальной характеристикой, при этом не самой достоверной. Наряду с этим, если подбирать имя для республиканцев, которых требовалось бы точно расположить в широком историческом и международном контексте, не было бы никаких сомнений в том, что их можно было бы назвать: «Республиканцы, которых следует переименовать в Американскую националистическую партию».

Такая ситуация определяется не только внешней политикой Республиканской партии, но и политической культурой, которая лежит в ее, партии, основе. Скорее всего, вся современная мешанина деятельности республиканцев повторяет классическую деятельность консервативных националистических движений в Европе и других странах последнего времени. В Европе эти партии выступали за «агрессивный национализм» и зачастую поддерживали империалистическую политику. Во внутренней политике они делали акцент на защите частной собственности в целом и интересов высших классов в частности, при этом особое внимание уделялось унаследованному (потомственному) богатству. Безусловно, они также изображали из себя защитников традиционных национальных, религиозных и семейных ценностей, противостоящих падению нравов в области космополитической, либеральной, социалистической и внешней политики. Существует опасность, что если, как и их предшественники в Европе накануне 1914 года, республиканцы и впредь будут придерживаться радикальной политики в пользу богатых, которой они стали придерживаться при администрации Буша в период с 2000 по 2004 год, то они все дальше и дальше будут уходить в направлении радикального национализма как единственного оставшегося способа апеллирования к американскому народу.

Избранные народы

В основе национализма не только американских правых, но и американской культуры в целом находится убеждение, что Америка была «избранной» и что поэтому, по словам бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт, она являлась «незаменимой нацией». Она могла быть избрана свыше, или «судьбой», или «историей», или просто быть отмечена для величия и лидерства, предположительно, самой большой, самой успешной, самой старой и наиболее развитой формой демократии. По словам президента Вудро Вильсона, в Первой мировой войне «Америка реализовала безмерную привилегию исполнить предначертанную судьбу и спасти мир»¹¹⁰. Олбрайт, как и Уилсон до нее, является демократом, и сходство стиля ее высказываний об Америке времен Джорджа Буша иллюстрирует широко распространенный характер веры в двухпартийную систему, существующий в американском обществе.

Одной из причин сохранения этой веры в США является то, что в середине двадцатого столетия она была вполне реальна. Когда популярный евангелист Билли Санди заявил в начале войны с Германией в 1917 году, что «Америка находится в положении, когда судьба мира в значительной степени зависит от нашего поведения. Если падем мы, то падет и цивилизация», – его высказывание было националистической гиперболой. В 1940-х годах и в начале 1950-х годов это уже не было преувеличением¹¹¹.

Это восприятие Америки не только в качестве нереализованной мечты, но и как страны с национальной миссией является сердцевинной американской национальной особенностью и является основанием веры нации в собственную «исключительность»¹¹². Это подтверждено в Большой печати (государственной эмблеме) США как единой нации, на которой значится: *Novus Ordo Seclorum* («Новый порядок эпохи»).

Сегодня эта вера действительно делает американцев исключительными в странах цивилизованного мира. Тем не менее в прошлом такая исключительность вовсе не была очевидным фактом: «С незапамятных времен каждый народ представлял себя совершенным, наделенным миссией, чтобы стоять над другими народами или чтобы привести мир к истине». Очень многие народы на протяжении всей своей истории (возможно даже, большинство народов) ощущали, что они «избраны свыше», или судьбой, для великих и особых «задач» и зачастую прибегали именно к такому языку для создания этого чувства миссии¹¹³. На самом деле, некоторые из наиболее красноречивых сторонников вселенской миссии Америки были британскими подданными и повторяли то же самое, что их отцы и деды излагали о Британской империи¹¹⁴.

Как писал Герман Мелвилл (1819–1891), «мы, американцы, особый, избранный народ, Израиль нашего времени. Мы несем миру ковчег свобод. Бог предназначил наш народ для великих дел, и человечество ждет их от нас. Великие дела живут в наших душах. Остальные народы вскоре окажутся позади нас. Мы – первопроходцы человечества, авангард, направленный, чтобы пройти через пустыню и проторить свой путь в Новом Свете»¹¹⁵.

Как пишет известный историк религии Конрад Черри, «развитие темы избранного народа в Германии и США в период между 1880 и 1920 годами иллюстрирует изменчивый характер мифа о религиозном национализме. Он оказался способен вобрать в себя особенности некоторых библейских и небиблейских образов, не утратив своей силы воздействия как мифа». В настоящее время отличие состоит в том, что в Германии этот миф был полностью уничтожен (по крайней мере в его националистической форме) трагическими событиями 1933–1945 годов. В значительной степени это утверждение верно также и в отношении остальной части Западной Европы. В Соединенных Штатах этот миф все еще жив¹¹⁶.

Протестантская форма этого мифа существовала в XVI и XVII веках в Голландии, Швеции и Великобритании еще до того, как этот миф мигрировал в Соединенные Штаты. Согласно высказыванию Джона Мильтона, сделанному им в середине XVII века, «пусть Англия не забывает, что она первой стала учить другие народы, как надо жить». Оказавшись в Америке, данный миф способствовал явному отождествлению этой страны с библейским Израилем. Такой протестантский и библейский художественный образ стал преобладать в британской имперской риторике, в том числе в творчестве далеко не самого религиозного (скорее, масонского) писателя Редьярда Киплинга. Он странным образом перемешал темы христианизации, освобождения и развития с расовым превосходством и торжеством победившей силы.

Всем великим державам современной истории всегда было свойственно присущее США восприятие себя как «универсальных наций». Это означало, что они ощущали себя лучшими среди всего человечества, перенявшими у человечества необходимые универсальные ценности. Данное чувство позволяло этим нациям утверждать, что их национализм или патриотизм имел позитивный характер, в то время как у других наций – отрицательный, поскольку другие нации остановились в нравственном росте и заботились только о своих собственных интересах.

Немцы до 1914 года верили в то, что «Германия может исцелить мир» своим особым сочетанием правопорядка, технического прогресса и духа систематизированных, имеющих глубокие исторические корни «культуры» и «общества» (*Gemeinschaft* – «сообщества», *нем.*). Немецкие мыслители выступали против использования данных определений применительно к якобы декадентской, поверхностной «культуре» и распыленному, безродному «обществу» (*Gesellschaft* – «социум», *нем.*), существовавшему в Англии, Франции, США или же в «варварской» России. По высказыванию Иоганна Готлиба Фихте, сделанному им столетием ранее, «только немец... может быть патриотом; только он способен ради своей нации вместить в себя все человечество; в отличие от него, патриотизм любой другой нации всегда эгоистичен, ограничен и враждебен по отношению к остальной части человечества»¹¹⁷.

России при царях также было присуще чувство своей вселенской миссии, тесно увязанное (как и у некоторых других народов) с религией: это была вера в то, что Россия является наследницей христианской империи Рима и Константинополя. Константин Аксаков писал, что «русский народ не есть народ, это человечество; это только кажется, что он народ, потому что он окружен народами с исключительно национальными отличительными признаками, а его национальность представлена в виде человечества»¹¹⁸. Достоевский также писал, что русские были «во всей земле единственным народом-богоносцем, грядущим обновить и спасти мир». Этот дух впоследствии перекочевал во времена советского коммунизма, при котором русский язык и отдельные аспекты русской культуры рассматривались как элементы, необходимые для строительства новой социалистической нации. Эта нация, в свою очередь, должна была стать образцом для всего человечества.

Наиболее интересная параллель американскому чувству своей вселенской миссии просматривается в истории Франции. На самом деле современному прагматичному британскому подданному-эмпирику длительное отчуждение между Соединенными Штатами и Францией весьма напоминает двух братьев, ссорящихся при дележе наследства¹¹⁹. Как и США, Франция также утверждала, что в течение последних 200 лет является наследником Просвещения применительно к свободе, демократии и прогрессу и имеет право распространять эти идеалы в других странах. Эта вера восходит ко временам Французской революции, но зиждется она на существовавших еще во Франции королевских времен (XVII и XVIII веков) убеждениях, что страна являлась «Великой нацией» с духовной общеевропейской

миссией. Исторические корни этой веры тянутся еще глубже, к средневековому католическому и протонациональному образу Франции как «старшей дочери Римско-католической церкви».

На протяжении многих лет после революции Франция считалась (и не только в самой стране) «славной матерью не только нам одним, которая призвана привести к свободе все народы»¹²⁰. Как выразился Томас Джефферсон, «у каждого человека две родины – его собственная, а потом Франция». Эти слова, образно говоря, сегодня вполне можно было бы применить к большинству стран мира, имея в виду США¹²¹. Можно вспомнить также сказанные во вполне американском духе слова генерала Шарля де Голля, начертанные на основании его памятника на Елисейских Полях: «Существует извечная связь между величием Франции и свободой в мире»¹²². Совершенно так же, как и в США, эта особая вера может быть на национальном уровне превращена в политическое оружие. Так, в январе 2004 года бывший министр, член Социалистической партии Франции Жак Ланг, критикуя консервативное французское правительство за чрезмерное дружелюбие в отношении Китая, заявил, что «Национальное собрание [Франции] в течение двух столетий воплощало собой борьбу за права человека». Такое настрей весьма характерен прежде всего для Конгресса США, и в обоих случаях он вызывает лишь чувство удивления у вьетнамцев и у многих других народов¹²³.

Де Голль разделял давнее французское убеждение, что Франция была избрана провидением, чтобы получить «выдающуюся, исключительную судьбу». Эта вера, хотя и в значительно урезанном виде, все еще существует у французской элиты, несмотря на то что, согласно опросу общественного мнения, проведенному в начале XXI века (его результаты представлены в начале этой главы), национализм в народных массах во Франции проявляется в гораздо меньшей степени, чем в Соединенных Штатах. Согласно Эдгару Кинэ, только у Франции был «инстинкт цивилизации, чувство необходимости взять на себя инициативу, чтобы в целом добиться прогресса в современном обществе... Именно это бескорыстное, хотя и настоятельное чувство необходимости... делает французов единой нацией, придает смысл их истории и обеспечивает страну душой»¹²⁴. Такие чувства все еще существуют до определенной степени не только во Франции, но и в других странах Западной Европы, однако их природа кардинальным образом отличается от природы аналогичных чувств, проявляемых в настоящее время в США. Эта разница заключается в том, что после Второй мировой войны эти настроения перестали быть характерной чертой отдельных народов, а превратились в составную часть «Европейского проекта», который в целом проявился в Европейском союзе (ЕС) и в тех структурах, которые предшествовали этой организации.

В своей явной приверженности идеям распространения демократии, защиты прав человека и обеспечения развития ЕС до некоторой степени напоминает Соединенные Штаты. Евросоюз берет на себя прежнюю цивилизаторскую миссию некоторых своих членов из числа бывших имперских государств. Однако, в отличие от США, эта миссия направлена прежде всего на преодоление национализма и отдельно взятых националистических миссий. Именно это стало наиболее важной причиной, по которой был начат Европейский проект: для того, чтобы избежать повторения катастрофических национальных конфликтов, которые разрушали Европу в прошлом. «Европейцы сделали то, что никто никогда еще не делал: они создали зону мира, где война исключена, абсолютно исключена. Европейцы убеждены, что эта модель вполне применима и для других частей мира»¹²⁵. Франция также уступила ЕС и Европейскому проекту значительную часть своих прежних намерений играть цивилизаторскую миссию и своих великодержавных амбиций. На этот шаг она пошла по двум причинам: первое – просто из-за слабости, и второе – что касается возможного масштабного одностороннего вмешательства Франции за пределами Европы, то эти великодерж-

жавные амбиции в любом случае в значительной степени обескровились в результате войн 1946–1954 годов в Индокитае и 1954–1963 годов в Алжире.

Таким образом, опыт ряда европейских стран зачастую кровавого, хаотичного, принесшего разочарование процесса деколонизации и провала демократических процессов и процессов развития во многих бывших колониях обеспечил существенный иммунитет этих стран от более оптимистичных и насильственных форм цивилизаторской миссии. Как результат, вера в возможность распространения цивилизации силой оружия и склонность оправдывать эти действия в Европе намного ниже, чем в Соединенных Штатах. Наряду с этим в последние годы она несколько выросла в результате позорного и катастрофического провала усилий европейских стран по предотвращению войны и насилия в бывшей Югославии в период с 1991 по 1995 год. Однако, когда дело доходит до вполне определенного выгодного проекта, который необходимо поддержать силовыми методами, причем без американского участия, ближайшая окраина ЕС на Балканах по-прежнему является пределом европейских амбиций.

Основополагающие принципы и антитеза

Существует еще одна возможность использовать историю Франции, чтобы провести некоторые весьма интересные параллели с основной особенностью американского национализма, а именно: с его историческим разделением на крайне различные, зачастую противоположные идеологические и духовные течения. Из-за политических и идеологических потрясений, которым неоднократно подвергалась Франция в период между 1789 и 1958 годами, эти течения более четко определены и более радикальны, чем в Соединенных Штатах, но в некоторых отношениях они достаточно схожи.

С 1789 года у Франции, как и у США, было то, что можно было бы назвать национальной идеологией или символом веры. Это были конституционные национальные основополагающие принципы, которые Франция представила своим собственным гражданам и остальному миру (хотя, в отличие от США, их в течение длительного времени разделяли не все французы, даже прилюдно). Я веду речь о традиционных основных ценностях Французской революции, которые позднее были в большей или меньшей степени отражены в бонапартизме и в принципах французских республик: народный суверенитет (даже в случае его реализации в форме плебисцитной монархии или другого правления), «права человека и гражданина», равенство перед законом, секуляризм и «свободная деятельность талантливых людей»¹²⁶.

Эти принципы стали основной составляющей французского национализма, а именно: восприятием Францией своей вселенской миссии и концепции французской самобытности и гражданства, которые уходят корнями в верность французскому государству, а не этнической группе или религии. В результате Франция в течение длительного времени была наиболее открытым обществом в Европе (за исключением России), начав ассимилировать иностранных подданных¹²⁷. При этом необходимо отметить, что эта открытость действительно предполагала *ассимиляцию*, а не просто терпимость. Как и в Соединенных Штатах, иностранцы могли стать французами, ожидалось, что они станут французами.

Франция была первой страной в Европе, которая в течение многих лет предоставляла свободу своему еврейскому меньшинству, однако с очевидным намерением, озвученным Наполеоном, что оно вследствие этого сольется с французским народом. Это был совсем иной подход, чем, например, в Британии, которая значительно медленнее расширяла права религиозных меньшинств, хотя также была достаточно терпима к духовным различиям. В последние десятилетия во Франции вновь стала отмечаться напряженность в отношениях

с мусульманским меньшинством, что проявилось в весьма спорном решении, принятом в 2003 году, о запрете девушкам-мусульманкам носить в школах хиджабы. Данное решение было обусловлено принципом о роли государственной системы образования в обеспечении светских и ассимиляционных ценностей республики¹²⁸. Таким образом, французский конституционный национализм носит ассимиляционный характер, но не плюралистический. Как мы увидим, это также относится и к некоторым разновидностям американского конституционного национализма.

Как и США, Франция также дала приют политическим течениям, тенденциям, культурам и идеологиям, существо которых явно противоречило французским «основополагающим принципам». Эти политические тенденции наиболее ярко проявились в длительном отказе в XIX веке консервативных и католических сил принять и признать Французскую республику и те ценности, на которых она была основана. Тем не менее, как и в Соединенных Штатах, преемственность политической верности и лояльности не выступает в качестве основной черты этой «антитезы». Последние выхолощенные остатки французского монархизма достаточно спокойно присягнули на верность Пятой республике де Голля, и католическая церковь также уже с давних пор заключила мир с республикой и демократией. Кроме того, в течение длительного исторического периода даже французские крайне правые силы в значительной степени объединились с правоцентристским движением.

В силу вышесказанного было бы неверно проводить какие-либо прямые политические параллели между контрреволюционными роялистами-шуанами в Вандее в 1790-е годы и партией «Национальный фронт» Жан-Мари Ле Пена в начале XXI века. Как подчеркнул Ганс Роггер, поскольку в историческом и международном плане правые силы, как правило, в большей степени опирались на соответствующим образом настроенные общины или движения, а не на формальную идеологию, «разногласия в рядах правых сил носят еще более выраженный характер, чем в рядах левых, и именно это чрезвычайно затрудняет возможность сделать общие выводы о правых силах, чтобы выработать приемлемые и действенные определения»¹²⁹.

Скорее, можно было бы проследить определенную преемственность в том настроении, который был присущ различным политическим формам разных поколений. Эти тенденции подчеркивают французскую национальную самобытность, основанную не на светской идеологии, а на более или менее закрытой этнической духовной самобытности. На протяжении длительного времени это означало приверженность католицизму. В течение нескольких десятилетий, начиная с конца XIX века и заканчивая правлением вишистов, был очевиден антисемитский настрой. Сегодня принято прежде всего быть белым, хорошо владеть французским и не относиться к числу мусульман. Как правило, было принято крайне враждебно относиться к административным, деловым и духовным элитам Парижа, да и к самому Парижу с его многонациональным населением и современной культурой (даже тогда, когда лидеры и идеологи этого движения являлись парижскими интеллектуалами).

В Америке, как писал Уолтер Рассел Мид, сотрудник Совета по международным отношениям (США), «убеждение в том, что сущность американской национальности заключена в приверженности универсальным принципам, находится в постоянном конфликте с идеей, что «американскость», «американизм» – это свойство, присущее исключительно американскому народу, и следует скорее защищать его от чуждых влияний, чем делиться им с человечеством»¹³⁰.

Это убеждение было также присуще и Франции¹³¹. Как и любые другие движения подобного рода, движения с подобным убеждением (как в Соединенных Штатах, так и во Франции) считали себя представителями «истинных жителей страны» (*peys réel*), исконного,

подлинного народа, проживавшего здесь с незапамятных времен, в отличие от «правлящих политических кругов» («*paus légale*»), административных и духовных элит (аналогичное пристрастное мнение высказывалось и американскими политиками правого толка при обличениях Вашингтона)¹³². Как и его консервативные националистические аналоги в других странах Европы, подобное движение во Франции по своему духу крайне враждебно Евро-союзу и глобализации, поскольку рассматривает их как проекты космополитических элит, противоречащие интересам простого, «истинного» французского народа. Источником этого движения в прошлом была родовая аристократия и слои мелкой буржуазии и крестьянства. Сегодня оно включает в себя множество рабочих, чаще всего из числа бывших коммунистов и их сторонников.

Так же, как корни восприятия Францией своей транснациональной миссии уходят в дореволюционные времена, так и корни данного движения можно проследить в провинциальном сопротивлении не только революции, но и предшествовавшим попыткам королевской централизации, унификации, призыва на военную службу и налогообложения. Здесь тоже отмечаются параллели с миром «антитезы» в Соединенных Штатах.

Глубокое недоверие к «органам власти», характерное для многих американцев, обычно, с легкой руки великого американского историка Фредерика Джексона Тёрнера (1861–1932), объясняется индивидуалистической традицией американского поселенца («концепция освоения новых земель» или «теория фронта»); и это, безусловно, верно. Тем не менее в этом недоверии есть также элементы давнего недоверия европейских крестьян к государственной власти, которая в конечном итоге представляла перед ними (а в большинстве развивающихся стран предстает, как и перед крестьянами в старой Европе, и по сей день) в виде коррумпированных сборщиков налогов, грубых полицейских, жестоких рекрутеров, забиравших крестьян в армию, солдат (причем даже из армии собственной страны), чинивших грабежи и насилие и говоривших на чужих языках или диалектах. Один из способов понять решительные индивидуалистические и антигосударственные действия жителей разных частей Америки – это сопоставить их с обычными европейскими крестьянами, которые убегали в леса и горы, чтобы избежать притязаний со стороны государства. Только американцы убегали немного дальше.

Эти движения «антитезы» Франции имели естественную тенденцию к росту во времена экономической депрессии, а также тогда, когда Франция терпела поражения, была унижена или находилась в состоянии упадка. Такая ситуация наблюдалась, например, после поражения, нанесенного Франции Пруссией в 1870–1871 годах, или во время «дела Дрейфуса»¹³³. В 1872 году Сюлли-Прюдом отрекся от прежних настроений интернационализма в стихотворении: «Я писал Шиллеру: / «Я гражданин мира»... / Но я раскаялся / В своей извращенной любви. / Отныне моя любовь / Только лишь к моей стране. / И к тем, кого я предал / любовью к человечеству»¹³⁴.

Это обращение к «антитезе» вновь произошло в гораздо более критичной ситуации, когда массы примкнули к маршалу Петену и его режиму Виши после поражения Франции в 1940 году. В очередной раз аналогичная ситуация, угрожавшая самому государственному строю во Франции либо его стабильности, возникла в 1950-х годах после поражения Франции в Индокитае и в кризисном для французской стороны положении в Алжире. Однако, как показывает популярность движения Ле Пена, совершенно нельзя быть уверенным в том, что очередное сочетание экономической депрессии, иммиграционных факторов и терроризма не приведет в будущем к всплеску французского шовинистического авторитаризма до настоящего опасного уровня.

Сегодня, как и в других странах Западной Европы, националистическое движение во Франции находится в глубокой обороне, можно даже сказать, «в изоляции». Оно сосредото-

точено на защите «традиционной» национальной культуры и этнического сообщества (другими словами, если приводить в пример США, то сложившегося этнического смешанного состава, оставленного в наследство предыдущими поколениями иммиграции) и выступает против новой иммиграции, новых форм культуры и новых экономических моделей. Эта форма национализма незаметно и плавно переходит в различные формы насилия на уровне «скинхедов».

Однако это насилие также представляется и воспринимается его проводниками и исполнителями не как акты агрессии или экспансии, а как защита жизненно важных коллективных интересов, как жесткие меры против чужаков для защиты национального ядра общества, сохранения рабочих мест, обеспечения «закона и порядка» и так далее. Европейские скинхеды и другие шовинисты из числа экстремистов на самом деле вовсе не строят планов добиваться возвращения в состав Германии города Вроцлава или Львова в состав Польши. Это отсутствие старомодного ирредентизма и экспансионизма отражает не только идеологию, международную реальность и современную культуру, но также благоразумный подход, глубокие и горькие исторические воспоминания, которые пронизывают европейское общество. Убрать с улиц иммигрантов – все же менее грозное требование, чем выступления за начало нового вооруженного конфликта.

В настоящее время кажется маловероятным, чтобы эта французская «антитеза» могла прийти к власти, по крайней мере в обозримой перспективе. Индия являет собой интригующий пример националистической «антитезы», весьма преуспев в этом вопросе. Индия в этом плане производит неплохое впечатление. Так же, как во Франции и Соединенных Штатах, индийские власти и элиты после 1947 года заявили индийской общественности и всему миру об основополагающих конституционных националистических принципах страны. В отличие от Франции и Соединенных Штатов, эти основополагающие принципы сформировались под иностранным имперским правлением, но их основа была той же: Индия как светское демократическое государство (фактически «крупнейшее в мире демократическое государство») заявляла о своей приверженности прогрессу и защите прав человека, а также подтверждала принцип равных прав и возможностей для всех своих граждан. Около трех десятилетий после обретения независимости тесно связанный с этими основополагающими конституционными принципами индийский «символ веры» воплощался в умеренной, неталитарной форме социалистической экономики. На международном уровне эта экономическая философия была связана со стремлением обеспечить свободное от предрассудков и компетентное лидерство в бывшем колониальном мире в его борьбе против гегемонии Запада и неокOLONиализма.

Этот демократический конституционный национализм был связан прежде всего с именем Джавахарлала Неру и партией «Индийский национальный конгресс», которую он возглавлял (и которая на момент написания этой книги возглавляется вдовой его внука, итальянкой по происхождению, что свидетельствует об открытости этого движения). Тем не менее в самом начале в руководстве партии «Индийский национальный конгресс» были лица, которые придерживались принципов националистической «антитезы», основанных на идее о том, что народ Индии представляет собой не гражданское общество, а религиозное, духовное и до некоторой степени этническое сообщество. Вне партии «Индийский национальный конгресс» различные индуистские политические группы создали гораздо более крайние движения, зачастую с оттенком фашистской идеологии и фашистской организационной структуры. В конечном итоге указанные политические группы, объединившись, сформировали Индийскую народную партию («Бхаратия джаната парти», БДП), которая в 2004 году стала правящей партией.

Как и в случае с французской и американской националистической «антитезой», это националистическое движение отвергает открытость и универсализм конституцион-

ного националистического «символа веры» Джавахарлала Неру и рассматривает Индию как закрытое духовное сообщество (в данном конкретном случае, индусов). В этой связи оно явно или неявно исключает мусульман, христиан и другие конфессии из «истинной» индийской политически объединенной нации. В отличие от других подобных движений, БДП заявила о своей приверженности современному экономическому росту и открытости (в основном из-за стремления бросить вызов Китаю, играющему роль азиатской сверхдержавы) и пользуется большой поддержкой среди индийской диаспоры в Соединенных Штатах. Однако в самой Индии она вызывает раздражение у элит, которые позиционируют себя более европеизированными и светскими. Как и те движения, которые в прошлом придерживались принципов «антитезы» во Франции и США, БДП способна занимать крайне жесткую позицию по отношению к меньшинствам, которые рассматриваются ею как угроза интересам «ядра» сообщества и контролю над ним. Подтверждением этому является давняя традиция кровавых беспорядков и погромов на межконфессиональной основе¹³⁵.

Как и аналогичные движения в Соединенных Штатах, индусские националисты за долгое время восприняли многое из индийского конституционного национализма. К этому относится и то, что представляется подлинным проявлением основополагающей демократической практики, хотя и в виде специфичной индийской демократии *Herrenvolk* («расы господ») в форме правления доминирующей религиозной группы, а не расы или этнической группы. Это частичное слияние конституционного и религиозного национализма, конечно же, не соответствовало действительности в период независимости. За прошедшие десятилетия лидеры БДП, похоже, пришли к пониманию, что демократия, или по крайней мере конституционализм, является единственным способом сплотить такую страну, как Индия. Они также усматривают в статусе Индии в качестве демократического государства проявление ее национального величия, которым они так гордятся. Причиной этой гордости является не в последнюю очередь превосходство Индии над Пакистаном, которого они ненавидят, и Китаем, которого они боятся.

Еще одним сходством с США является сложная взаимосвязь между националистическим движением и этнической принадлежностью. Основой БДП выступают в основном говорящие на хинди индусы Северной Индии, принадлежащие, как правило, высшим и средним кастам. Однако после некоторых неудачных попыток сделать хинди единственным государственным языком Индии (от которых отказались в условиях решительного сопротивления населения южной части Индии) БДП в настоящее время, судя по всему, остановило свой выбор на Индии, опирающейся на индуистский национализм, демократию, экономическое процветание и военную мощь. Таким образом, ни одно из индийских националистических течений не стало общенациональным, что лишней раз показывает, насколько ограничена применимость моделей национализма, сформированных на основе «классических» этнических националистических движений в Центральной Европе, для изучения значительной части остального мира.

Проведение аналогий с Индией является весьма интересным занятием, поскольку позволяет выявить основные сходства и различия между правым национализмом в Соединенных Штатах и радикальными националистическими и радикальными консервативными движениями в других странах как в прошлом, так и в настоящее время. Отправной точкой в такого рода исследовании является «исключительная» приверженность американских правых сил демократии, причем совершенно необязательно «либеральной» или «плюралистической» демократии. По крайней мере, речь идет о приверженности институтам и формам демократического характера, а не диктаторского.

От демократии «расы господ» к цивилизаторской империи

Эта приверженность демократии и универсальным принципам американского «символа веры», в свою очередь, играет основную роль в способности Америки преодолеть свое расистское прошлое и превратиться из демократии «расы господ», основанной на жестких и деспотичных законах расовой изоляции и превосходства, в великую «цивилизаторскую империю».

Прежние представления европейских националистов о великой миссии и призвании всегда сводились к одному определенному путеводному образу – к Римской империи. У этого образа есть длинная история в американской философии, он весьма активно публично обсуждался в США как цель, к которой идет Америка на пути к статусу единственной в мире сверхдержавы¹³⁶. Как Китай и ранние исламские халифаты, Рим не только объединил множество различных этнических групп на основе одного языка и одной культуры. Оставшееся после него наследство продолжило оказывать влияние на формирование истории и характера Европы еще долгое время после его заката. Создававшиеся империи были не просто государствами, они представляли собой целые цивилизации, преодолевшие внутри своих границ расовые и этнические разногласия и оказавшие духовное воздействие далеко в пространстве и времени.

Цивилизаторские империи следует отличать от чисто военных империй, таких как монгольская или европейские морские империи «расы господ», которые, несомненно, преобразуя многие культуры и общества, наряду с этим безжалостно проводили резкую разделительную черту между главенствующими европейскими расами и темнокожими зависимыми от них народами. Целью советского режима также была цивилизаторская империя: идея заключалась в том, чтобы создать новый тип цивилизованного общества, многонационального по происхождению, но говорящего на одном языке и имеющего одну культуру, которое, в свою очередь, в последующем распространит за пределы Советского Союза влияние на все человечество.

Огромные размеры территории Соединенных Штатов, динамичное развитие их экономики и их способность ассимилировать существенное количество белых иммигрантов, приводя их к своему «символу веры» и к своей культуре, всегда определяли некоторые особенности такой империи, как Америка. Как выразился в начале XX века судья Оливер Уэнделл Холмс-младший, «мы – римляне в современном мире, мы – великий ассимилирующий народ»¹³⁷.

За пределами США их громкий экономический успех и жизненная сила их культуры также создали неформальную версию своего рода цивилизаторской империи. Это проявилось в том, каким образом восхищение Соединенными Штатами способствовало подрыву веры в коммунизм и Советский Союз у молодых российских элит в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Если принять во внимание масштабное воздействие на мир «жесткой» и «мягкой» силой, присутствие по всему миру американских военно-морских сил, американского английского языка, американской национальной кухни, американской «массовой культуры» и американских экономических моделей, то Соединенные Штаты сегодня действительно представляют аналог цивилизаторских империй прошлых эпох.

В прошлом, однако, американские устремления играть роль цивилизаторской империи были в течение длительного времени парализованы расизмом. Этот факт признали многие американцы, даже если они и не вели речь про какую-либо империю. Например, оголтелый расизм Вудро Вильсона, типичный для представителя американского Юга, и при его жизни, и впоследствии серьезно компрометировал провозглашаемый им либеральный интернацио-

нализм в глазах японцев и многих других народов мира, не принадлежавших к белой расе¹³⁸. Как отмечал в 1943 году американский теолог, философ и политолог Рейнгольд Нибур (1892–1971), «наше расовое чванство несовместимо с нашими обязанностями в мировом сообществе. Если мы не преуспеем в его обуздании, мы провалим свою задачу». Гуннар Мюрдаль в своей выдающейся работе «Американская дилемма» (*An American Dilemma*), написанной в 1944 году, также высказывал обеспокоенность тем, что расизм ослаблял борьбу США против тоталитаризма¹³⁹.

В первые годы холодной войны понимание того, что именно характер обращения с черным населением подрывал могущество США и их влияние в борьбе с коммунизмом, стало одним из важнейших факторов, который в 1950–1960-е годы привел национальные элиты Америки к решению покончить с расизмом в его публичной форме¹⁴⁰. Задолго до этого Авраам Линкольн предупреждал, что рабство ослабляет позиции Америки в осуществлении всемирной демократической миссии, навлекая на нее обвинения в лицемерии¹⁴¹.

При сравнении современных Соединенных Штатов с другими великими цивилизациями прошлого крайне важно проводить различие между расизмом и духовными предубеждениями. Основная китайская народность – ханьцы – испытывала весьма сильные предубеждения против «варваров» как за пределами страны, так и в ее границах; но эти предубеждения исчезли, когда «варвары» изучили китайский язык и культуру, приняли официальную конфуцианскую идеологию (если они стремились присоединиться к элите) и, таким образом, стали китайцами. Главным требованием к цивилизаторской империи является ее готовность признавать людей своими гражданами не по расовым и этническим признакам, а на основе общего языка, «символа веры» (вероисповедания) и культуры, – именно это требование в Римской империи формально выполнялось, поскольку в 212 году нашей эры все ее свободные подданные были признаны гражданами империи.

Отличие от негров, индейцев или китайцев в Америке прошлого (и, конечно же, в других западноевропейских морских империях), в великих азиатских империях «варварские» народы всегда могли быть ассимилированы элитами. Именно поэтому в России так много аристократических фамилий татарского или черкесского происхождения: Юсупов, Набоков, Кочубей, Тургенев. Ленин, безусловно, был немислимой смесью самых различных национальностей, но при этом в духовном отношении он был совершенно русским. Главный министр Китая Ань Лушань, возглавивший восстание 755 года, в результате которого была уничтожена одна из ранних императорских династий Тан, был китаизированным тюрком из Средней Азии. Величайший поэт эпохи династии Тан, Ли Бо, весьма вероятно, также имел тюркские корни¹⁴².

Принцип «одной капли [негритянской] крови», который делал тебя негром и, следовательно, исключал возможность (вне зависимости от образования, благосостояния, воинской доблести и даже красоты) твоего присоединения или породнения путем брака с доминирующим народом и его правящим классом, в этих странах был бы просто немислим. Это же относится и к тщательно разработанным расовым классификациям людей вроде тех, что существовали на острове Ява периода голландской колониальной администрации, в Новом Орлеане, в Бразилии и в Вест-Индии («квартерон»², «окторон»³, «мулат» и т. п.). Подобная практика стала бы непреодолимым препятствием для экспансии этих империй. (Впрочем, чтобы быть справедливым, следует признаться, что культурные и духовные различия между основной китайской народностью хань и народностью мяо или между русскими и башки-

² Имеющий 1/4 негритянской крови. (Прим. переводчика.)

³ Имеющий 1/8 негритянской крови. (Прим. переводчика.)

рами были не так велики, как между белыми американцами и коренным населением Нового Света (индейцами) или недавно поработанными неграми¹⁴³.)

Эти цивилизаторские империи принимали в ряды своих элит любого, кто принимал их культуру, но при этом проявляли острую враждебность к тем собственным гражданам, кто, по их мнению (подобно евреям в России), отвергал эту культуру или пытался внедриться в нее и причинить ей вред во имя интересов собственной нации. Как и Соединенные Штаты в настоящее время, эти империи, безусловно, также были крайне враждебно настроены к тем «варварским» народам, которые отвергли их культуру. В сущности, вся официальная культурная самобытность и идеология этих империй зиждилась в основном на разграничении империи и «варварских чужаков».

Общественные элиты современной Америки довольно точно соответствуют этой исторической схеме реально существующего расового разнообразия в сочетании с жестким культурным соответствием в некоторых ключевых областях, а именно: в сфере поклонения «символу веры» и официальным имперским богам. Так, дикторов телекомпании «Си-эн-эн» подбирают с учетом требований расового плюрализма, но все их разнообразие ограничивается цветом кожи. Они символизируют настоящий прорыв в деле обеспечения равенства людей по внешним расовым признакам, но это не имеет отношения к равенству в духовном плане и даже в плане этническом. Тем не менее появление таких дикторов является истинной заслугой американской цивилизаторской империи, что, сознательно или бессознательно, как раз и предназначено для создания такого впечатления.

В этом отношении в Соединенных Штатах за последние два поколения произошли чрезвычайно позитивные изменения. Ярким примером может служить отношение общественности к бракам между белыми и черными. В 1963 году 64 процента американцев выступали за сохранение существовавших во многих штатах законов о запрете смешанных браков. В 1998 году такого мнения придерживались уже 13 процентов, хотя значительная часть опрошенных выразила личное беспокойство по поводу межрасовых «близких отношений»¹⁴⁴. Кроме того, и республиканцы, и демократы в равной степени считали смешанные браки законными.

Расистские настроения по-прежнему глубоко укоренились среди белого населения южных штатов и в Республиканской партии. Тем не менее эта ситуация неизбежно меняется. Такие изменения проявляются, как правило, в сглаживании расистского характера некоторых направлений политики (в отношении уровня благосостояния, иммиграции, преступности, борьбы с наркотиками), а не напрямую. Если бы республиканцы продолжали откровенно проявлять расистские настроения, вполне вероятно, что это вряд ли способствовало возможности формирования ими в период с 1968 по 2004 год нормальной «партии власти» (в течение двадцати четырех лет президентами страны были республиканцы, тогда как демократы – только двенадцать лет). Такие настроения обрекли бы их на роль париев и на статус меньшинства во властных структурах. О том, что республиканцы учитывают этот фактор, свидетельствует та скорость, с которой Республиканская партия вынудила Трента Лотта в декабре 2002 года уйти с поста лидера сенатского большинства после того, как он выступил с публичной поддержкой расистской платформы сенатора Строма Термонда, на которой тот баллотировался на пост президента в 1948 году¹⁴⁵.

Такие изменения отнюдь не явились результатом деятельности либералов. Напротив, ключевую роль в этом сыграли институты, склонные к ультраправым и националистическим взглядам: военные структуры, значительная часть руководства Голливуда и актеров, некоторые евангелистские (протестантские) церкви. Даже на Белом Юге была отмечена тенденция отхода от предубеждений относительно цвета кожи в пользу оценки на основании культуры (хотя эти вопросы тесно взаимосвязаны)¹⁴⁶. Начиная с 1990-х годов ряд известных обще-

ственно-политических деятелей и журналов из числа правых христиан предприняли реальные усилия в этом направлении. Достаточно вспомнить Ральфа Рида, который извинился за прежние расистские настроения евангельских церквей, а также журналы Charisma и New Man, публиковавшие статьи об успешных смешанных браках¹⁴⁷. В этой связи назначения в администрацию Джорджа Буша видных представителей чернокожего населения носили отнюдь не просто символический характер. Они подтверждали реальный и весьма позитивный переворот в убеждениях.

Что касается евангелистской (протестантской) церкви, то здесь роль первопроходцев сыграли так называемые телепроповедники, которые использовали новые средства массовой информации, чтобы обратиться к более широкой, нежели ранее, аудитории. Начиная с преподобного Билли Грэма многие из этих религиозных деятелей считали для себя обязательным не только обращаться к представителям разных рас, но также, например, включали чернокожих и других цветных в церковный хор, что транслировалось телевидением. Что касается деятельности преподобного Грэма, то он, в частности, принял большое участие в судебных процессах, касавшихся представителей чернокожего населения¹⁴⁸.

Одной из причин таких изменений была собственная версия телепроповедников-евангелистов об историческом периоде США от демократии «расы господ» к цивилизаторской империи. Хотя Грэм вырос в консервативной обстановке южного штата Северная Каролина, он был страстно предан делу антикоммунизма и хорошо осведомлен о тех пропагандистских возможностях, которые расизм в США предоставляет коммунистическим руководителям в странах «третьего мира». Его обращение к сбалансированному расовому плюрализму также способствовало его отходу от открытого и жесткого фундаментализма к мягкому экуменизму, что привлекло к нему внимание Дуайта Д. Эйзенхауэра и последующих президентов США и превратило его в своего рода их «неофициального духовного советника»¹⁴⁹.

Кроме того, Грэм и многие другие телепроповедники евангелистской церкви сознательно работали с аудиторией развивающихся стран. В эпоху глобализации уже невозможно вести миссионерскую деятельность за рубежом в полном отрыве от внутренней политики, тем более что в Соединенных Штатах многие протестантские церкви ориентировались в своей деятельности на то, чтобы добиться перехода в свое лоно иммигрантов-католиков из Латинской Америки. В свою очередь, пятидесятники в 1950-х и 1960-х годах уже активизировали деятельность среди чернокожего населения¹⁵⁰ и существенно усилили свое влияние в Латинской Америке.

Другими словами, как выразился Уолтер Рассел Мид, чернокожие и другие цветные, которые соответствуют определенным нормам респектабельного поведения (в том числе соблюдают принципы патриотизма и религиозной практики), в настоящее время даже самыми консервативными националистически настроенными белыми американцами рассматриваются как часть американского «народа»¹⁵¹. Госсекретарь США (и бывший генерал) Колин Пауэлл и советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс⁴ были искренне восприняты в качестве добродетельных американцев, хотя, безусловно, только по той причине, что, как выразились бы черные радикалы, «действовали в качестве белых», то есть потому что приняли культуру, «символ веры» и богов цивилизаторской империи.

Большое значение в произошедших изменениях сыграли три структуры, пользующиеся особым авторитетом на Юге и в несколько меньшей степени в «глубинке» страны: вооруженные силы, индустрия спорта, а также внимание Голливуда к созданию фильмов на патриотическую тему и фильмов с «крутыми» героями. Так, например, начиная с 1940-х годов Вооруженные силы США стали сознательно представлять себя в качестве самой многона-

⁴ С 2005 по 2009 год – также госсекретарь США. (Прим. переводчика.)

циональной структуры, где негры и другие цветные получают возможность достичь высших чинов без ущемления своих прав¹⁵². Начиная с президента Гарри Трумэна, принявшего в 1948 году решение о десегрегации армии, все последующие президенты США развивали эту тенденцию, сознательно стремясь к укреплению цивилизаторской привлекательности Америки среди стран с «цветным» населением, которые были склонны обратиться к коммунизму¹⁵³.

Для армии эти изменения становятся все более необходимыми, включая идеологический аспект. После отказа от призывной системы (с учетом последствий войны во Вьетнаме) возникла острая необходимость в группах населения с низким уровнем доходов, которые могли бы стать источниками новобранцев, – и расовые меньшинства прекрасно подходили для этих целей. Более того, с недавнего времени военная служба стала для американских иммигрантов (в том числе нелегальных) способом без длительной задержки получить гражданство. Такая практика напоминает Римскую империю поздних эпох.

В американской армии также сохраняется воспоминание о серьезной напряженности на расовой почве, которая служила причиной раскола среди военнослужащих во Вьетнаме, когда (в результате классово-предубежденности, заложенной в системе призыва на военную службу) командирами подразделений с высокой долей чернокожих в подавляющем большинстве случаев назначались белые офицеры. Когда в 2003 году была предпринята попытка заставить Верховный суд вынести решение против расового предпочтения в сфере высшего образования, основной причиной того, что это требование было отвергнуто, явилось приобщение советником в судебном процессе к делу мнения старших офицеров-отставников. Они утверждали, что поддержание вооруженных сил в боеготовности требует достаточного количества выпускников вузов из числа представителей чернокожего населения для обеспечения офицерских кадров.

Помимо реальных фактов мужества и самопожертвования, проявленных чернокожими и другими расовыми группами в ходе службы в вооруженных силах, большое значение для снижения расовой напряженности всегда имела деятельность Голливуда по пропаганде этих фактов. В этих, как и в других голливудских фильмах, созданных в традиционном националистическом стиле (вестерны, фильмы на полицейскую и спортивную тематику), было проявлено сознательное стремление представить как можно больше американцев разной расовой принадлежности в качестве полноценных граждан и/или солдат.

Повторяющейся темой режиссера Джона Форда является объединение исконных и новых американцев (бывших конфедератов и юнионистов) на военной службе, в ходе поселенческой деятельности и при защите границ продвижения поселенцев. Форд обращал особое внимание на ирландцев, что неудивительно, так как настоящее имя самого режиссера было Шон Фини. К 1956 году его фильм «Искатели», в котором главный герой (в исполнении сверхстаромодного националистического кинематографического кумира Джона Уэйна) с трудом, но принимает в качестве друга полукровку-индейца племени чероки, стал центральной темой его творчества (хотя только потому, что оба персонажа в духовном отношении – типично белые люди, включая союзника Уэйна в противостоянии с жестокими командами, с которыми следует сражаться без всякой пощады). В одном из последних фильмов Форда, «Сержант Ратледж» (1960), рассказывается о храбром и преданном чернокожем солдате в дальнем гарнизоне, которого ложно обвинили в убийстве белой девушки. Фоном, на котором разворачиваются события в романе Харпер Ли «Убить пересмешника», в котором раскрытие темы расизма смыкается с темой «символа веры», является скорее армия США, чем правовая система США¹⁵⁴.

Во время Второй мировой войны и после нее Голливуд обратил особое внимание на мужество американских евреев на военной службе (например, фильм Уильяма Уэллмена

«История рядового Джо», 1945 год, с Робертом Митчемом в главной роли). В целом американские военные фильмы (как и их советские аналоги) показывали многонациональное боевое подразделение, основой которого были белые англосаксонские протестанты, но в составе были также военнослужащие из южных стран, ирландцы, итальянцы, евреи и другие¹⁵⁵.

В последнее десятилетие американские телесериалы играли примерно сходную роль в содействии идее расового смешения, хотя их основной темой скорее являлась любовь (или секс), нежели война. После четырех десятилетий полного отсутствия на телевидении появилась тема межрасовых «близких отношений», которая стала если не расхожей (вряд ли она могла стать расхожей в американском обществе), то по крайней мере обозначенной. При этом следует заметить, что чаще представлялись «близкие отношения» между белыми и латиноамериканцами и азиатами, чем между белыми и чернокожими¹⁵⁶.

Другой известный кинематографический герой патриотического плана, Клинт Иствуд, отметился в ряде фильмов, где его персонаж имел близким другом и помощником чернокожего (или, как в его известном фильме «Джози Уэйлс – человек вне закона», 1976, индейца), причем не карикатурного, а вполне достойного, честного и умного героя, который делает ироничные комментарии об обществе белых и его лицемерии¹⁵⁷. Фильм Клинта Иствуда «Перевал разбитых сердец» (1986) является примером сделанного в советском стиле произведения о смешанном в расовом отношении взводе. Подобный подход, вероятно, оказывал большее влияние на зрителей, чем творчество таких режиссеров и актеров с очевидно расистскими настроениями, как Норман Джуисон или Дензел Вашингтон¹⁵⁸. Поскольку, если Билли Грэм и Клинт Иствуд оба предложили внести изменения в расовые отношения, даже самый отсталый белый американец должен почувствовать где-то в глубине своего сердца, что так велит его Бог.

Хотя этот процесс был чрезвычайно важным и благородным, следует отметить два тревожных момента во вновь сложившейся ситуации. Первое: как и в Риме, Китае или халифате Аббасидов, относительное отсутствие признаков расизма в строгом смысле этого слова, безусловно, не означает отсутствия острой враждебности и презрения к «варварам», отличающимся в духовном отношении, и представителям иной веры.

Действительно, процесс, который отмечается в Соединенных Штатах, можно было бы назвать «принципом мины «Клеймор»». Мина «Клеймор» направленного поражения имеет форму кейса, ее корпус изготовлен из пластика и начинен взрывчаткой и шрапнелью из стальных шариков. Взрыв отражается от задней и боковых стенок и выбрасывает поражающие элементы в сторону противника. Политики, средства массовой информации и представители бизнеса, которые сейчас публично проявляют расистскую враждебность в отношении национальных меньшинств, зачастую платят очень высокую цену, хотя все они в глубине души прекрасно понимают, что такие же чувства испытывает большинство белого американского общества.

Так же, как и в случае с миной «Клеймор», подавление чувств на национальном уровне может только умножить силу, с которой они будут направлены против чужаков, остающихся законным и публично признанным объектом ненависти. Бывший заместитель министра торговли США Клайд Престовиц писал о существующем у современных американцев «безотчетном убеждении в том, что каждое человеческое существо является потенциальным американцем и что его, этого существа, нынешняя национальность или культура – печальная, но исправимая случайность». Такая позиция – вполне в духе Китайской или Римской империи¹⁵⁹. Как результат, если другие все же отказываются вести себя как американцы, это означает, что с ними что-то не в порядке, что они весьма дурны или зловредны. Другими словами, вновь сложившаяся в США ситуация является рецептом толерантности в пределах страны,

а не вне ее. В конечном итоге вспоминается хорошее определение солипсизма⁵: «Это когда кто-то считает, что он – весь мир»¹⁶⁰.

Слова, сказанные Максом Лернером в 1950-х годах, верны до сих пор: «Одной из американских черт является отвращение к незнакомцам... Это кажется тем более любопытным, если вспомнить, что Америка сама – «нация наций» и содержит множество разнообразных духовных традиций. Тем не менее именно этот факт усиливает недоумение американца за рубежом: поскольку он видел, как люди иностранного происхождения в его собственной стране отказываются от своих обычаев и «американизируются», он не может понять, почему людям в других странах не следовало бы поступить точно так же»¹⁶¹.

Лернер добавляет, что «в этом отношении реальная ненависть к чужакам невелика», но это только до тех пор, пока те совершенно ничему не угрожают, что, конечно же, переменилось после событий 11 сентября 2001 года.

Другой недостаток процесса построения новой американской многонациональной цивилизации связан с конформизмом и политкорректностью. Цена этого вопроса зачастую включает в себя не только некоторые совершенно ужасные фильмы, демонстрирующие, к примеру, слащавую политкорректность черных и белых, плечом к плечу добивающихся спортивных побед (как в фильме с участием Дензела Вашингтона «Помнить титанов», 2000 год), но и некоторые кинематографические продукты, в позитивном, совершенно советском стиле переписывающие истории, как, например, фильм с участием Мела Гибсона «Патриот» (2000). В нем в полном соответствии с требованиями американского «символа веры» и национальной идеологии рассказывается об отряде ополченцев Южной Каролины во время войны за независимость США, который являл собой образец поликультурного американского патриотизма, расовой гармонии и взаимного уважения. Как и в советских фильмах, все это было направлено на поддержку усилий по формированию новой американской нации. В отличие от Советского Союза, это была добровольная акция со стороны режиссеров.

Как писал американский политолог Луис Харц и многие другие исследователи со времен Токвиля до настоящего времени, это стремление по-своему пропагандировать определенную версию американской истории и общества можно рассматривать в качестве одного из аспектов спонтанного «либерального абсолютизма» американского «символа веры». Сегодня это явление частично отражается в феномене «политкорректности» и является причиной ограничения в Соединенных Штатах публичных высказываний и дискуссий, касающихся как американской внутригосударственной системы, так и роли нации в мире.

⁵ Солипсизм – философское представление, согласно которому нет ничего, кроме источника самого представления. (Прим. переводчика.)

Глава вторая

Основопологающие принципы: блеск и трагедия американского «символа веры»

Даже хорошая идея немного пугает, если это единственная у человека идея.

Луис Хариц¹⁶²

Совершенно непогрешимые в собственных глазах народы, как и люди, могут быть абсолютно невыносимы в общении.

Рейнгольд Нибур¹⁶³

Основопологающие принципы также называют американским «символом веры» и «американской идеологией». Это ряд утверждений об Америке, в которых как для американского народа, так и для внешнего мира формулируются ее основные идеалы: «У американцев всех национальностей, классов, религий, убеждений и цветов кожи нечто общее – социально-этические нормы, политическое кредо»¹⁶⁴.

Ральф Уолдо Эмерсон писал, что приверженность американским основопологающим принципам – это некая разновидность религиозного поклонения. Эти принципы или убеждения, а также национальные мифы, которые их окружают, лежат в основе американского гражданского национализма. Они превращают общественный облик Соединенных Штатов в образец гражданского национализма¹⁶⁵. Теоретически всякий, кто соглашается принять американские основопологающие принципы, может стать американцем независимо от языка, культуры, национального происхождения, равно как можно было когда-то стать советским гражданином, приняв идеологию коммунизма¹⁶⁶.

Американские основопологающие принципы рациональны и универсальны, американцы убеждены, что эти принципы могут использовать любые народы и общества в любой стране и фактически в любые времена. По словам Токвиля, американцы «единодушно поддерживают общие принципы, на которых должно строиться человеческое общество». В начале XXI века это не менее верно, чем в 30-х годах девятнадцатого столетия, когда Токвиль пришел к этому выводу.

Отчасти поэтому утверждения, изложенные в основопологающих принципах, также глубоко оптимистичны по своей сути. Принципы исходят из того постулата, что в Соединенных Штатах существует наивысшая из всех возможных (по уровню своего совершенства) политическая система, а также из того, что эту великую систему можно передать всему человечеству. Фрэнсис Фукуяма несколькими столетиями позже сказал о том же самом следующим образом: убеждение, что Америка представляет собой «конец истории», было уже закреплено в сознании американского народа, а еще больше – в его подсознании. «Я знаю, что лучшее место – мое, и лучшее время – мое», как выразился Уолт Уитмен⁶, олицетворение своей страны¹⁶⁷.

По словам Ричарда Хофштадтера, «не иметь идеологии, но быть ею – в этом судьба нашей нации»¹⁶⁸. Этот американский основопологающий принцип как на уровне сознания, так в реальной жизни составляет основу «мягкой силы» Америки в мире и ее роль в качестве цивилизаторской империи – американского воплощения Римской империи. И в прошлом,

⁶ Перевод на русский язык приводится по изданию: Уолт Уитмен. Листья травы. Издательство «Азбука-классика», 2005.

и в настоящее время американские убеждения всегда оказывали глубинное, формирующее воздействие на американскую внешнюю политику¹⁶⁹.

Американский «символ веры» и американский конституционный национализм включают такие важные понятия, как вера в свободу, конституционализм, право, демократия, индивидуализм и культурное и политическое равноправие. На протяжении почти всей американской истории эти базовые понятия остались, в сущности, неизменными¹⁷⁰. Они в основном были сформулированы в эпоху Просвещения, а также вытекают из английских традиций: либеральной философии Джона Локка и значительно более старинной веры в закон и в «права свободных англичан».

Равенство в экономическом отношении, однако, в состав основных понятий «символа веры» совершенно не входит. Напротив, это понятие тесно сопряжено с верой в абсолютное превосходство свободного рыночного капитализма, неограниченных экономических возможностей и в потребительство. Большинство американцев часто подвергает эти экономические составляющие критическому осмыслению, в отличие от политических составляющих, которые (тем же самым подавляющим большинством) под сомнение не ставятся. В последние десятилетия в состав базовых понятий «символа веры» стали включать расовую терпимость и равенство, а также права женщин. Тем не менее эти составляющие пока не получили повсеместного единодушного признания, и многие американцы их до некоторой степени оспаривают, по крайней мере в узком кругу. Кроме того, многие в душе убеждены, и это тоже стало важной, пусть и не сформулированной официально, частью «символа веры», что Соединенные Штаты в целом воплощают собой пример единственной успешной модели современного общества: «Американцы представляют себе историю в виде прямой линии, а себя воображают стоящими на ее рубеже как представители всего человечества»¹⁷¹.

В начале двадцать первого века, разумеется, подобные убеждения не являются прерогативой только американского «символа веры», имеющего отношение лишь к Америке и ее народу. Большинство этих понятий придерживаются и другие развитые демократические государства или по крайней мере общественность в большинстве стран мира. Основные принципы «символа веры» по большей части сформированы сочетанием британской правовой и религиозной традиции, а также идеями английского и французского Просвещения. Американская демократия является частью «мира» западных демократических государств, равно как американский капитализм неразрывно связан с мировой капиталистической системой в целом, хоть и имеет свои, весьма специфические, особенности.

У «символа веры» есть две совершенно уникальные, особенные характеристики: во-первых, его исповедуют истово, с преданностью абсолютистов; во-вторых, он является неотъемлемой частью убеждений американских националистов. Луис Харц в 1950 году писал о «всеобъемлющем национализме» и «застывшем, догматическом либерализме либерального образа жизни», присущих «символу веры»¹⁷². Среди окружающих «символ веры» мифов есть очень распространенное мнение о том, что Соединенные Штаты исключительны в своей верности демократии и свободе, а посему исключительно добродетельны. Отсюда следует, что, будучи добродетельной, Америка имеет право обладать исключительной властью, а также по природе своей не может использовать эту власть для злых целей. Американский «символ веры», таким образом, является основным источником уверенности в изначальной непогрешимости Америки¹⁷³.

Как считает Сэмюэл Хантингтон, «комплекс политических принципов, который составляет «американизм» (или «американство»), нельзя сравнивать с национализмами других стран, условно говоря, с «британизмом», «франкофонством», «германизмом» или «японизмом». Американизм напоминает, скорее, своеобразную идеологию или религию. Несогласие с основными идеями американизма как доктрины сразу делает несогласного

неамериканцем... Соединенные Штаты, очевидно, это единственная страна, которая отождествляет национальность с политическими убеждениями или ценностями»¹⁷⁴.

По сути дела, как отмечалось в главе первой, были и другие государства, которые создавали свой вариант таких основополагающих принципов в рамках собственного конституционного национализма. Но в большинстве этих стран подобные принципы либо вызывали резкое недовольство многих сограждан, выказанное публично, как во Франции, или, как показывают примеры из истории, эти принципы представляли собой главным образом убеждения национальных или государственных элит, как в Китайской империи. Однако Америка являет пример страны, где население единодушно верит в эти основополагающие национальные принципы, что само по себе необычно.

Канадский социолог Сакван Беркович писал, что открыл для себя существование в Америке «сотни непохожих друг на друга сект и группировок, при этом все они служили одной и той же цели». Такое идеологическое единодушие, по его словам, обладает «всеми моральными и эмоциональными особенностями религиозного символа». Обнаружив это, ученый испытал такое же чувство, что и «антрополог, с удивлением рассматривающий тотем какого-либо племени»¹⁷⁵. Соединенные Штаты действительно можно считать самым (поистине!) идеологическим обществом в мире в начале XXI века.

При этом Америка, безусловно, не является самым идеологическим *государством* в мире. До сих пор существует немало других государств, которые настойчиво присваивали себе право значительно более строго, беспощадно и беспредельно управлять сознанием своих подданных. Американское государство никогда не имело таких возможностей. Коммунистические государства на пике своего могущества претендовали на подобную власть над умами. Но даже в самом могущественном государстве подобной идеологии противостояла значительная часть населения. А несколько десятилетий спустя уже не только подавляющее большинство интеллигенции, но и самые обычные люди потеряли свою искреннюю веру в принципы этой идеологии, пусть внешне еще по-прежнему и демонстрировали знаки почтения власти. То же самое произошло и с теократическим Ираном в 90-х годах XX века.

Знакомых мне русских и китайских интеллектуалов, которые приехали в Америку в 1990-х годах, прожив долгие годы в атмосфере циничного личного отношения к общественной идеологии, часто поражает и даже, пожалуй, слегка пугает то, как восхваляют принципы, учреждения, законы своей страны и ее экономические реалии простые американцы даже в своих частных беседах. Причем они поступают так не для того, чтобы, как настоящие патриоты, защитить Америку от критических нападок. Нет, они искренне верят в то, что эти принципы справедливы для всего человечества. «Они на самом деле так думают! Никто не заставляет их это говорить!»¹⁷⁶ С этой тенденцией тесно связано осознание национальной миссии: «Каждый народ... давно уже пришел к мысли о своей избранности. Идея о своем особом предназначении так же стара, как и сам национализм. Тем не менее ни одна нация в современной истории, кроме американцев, не была столь глубоко убеждена, что играет в мире особую роль»¹⁷⁷.

Даже американские диссиденты в большинстве своем за всю историю Америки искренне выражали протест не против американского «символа веры» как такового, а скорее требовали, чтобы американцы (или американское правительство) вернулись к «символу веры» в его более чистой форме, или же выступали за то, чтобы этот основополагающий принцип соблюдался более последовательно. Те группы протестующих, которые на самом деле отступали от «символа веры», вскоре оказывались изгоями, либо их протесты были подавлены. Белое население, по крайней мере в основной своей массе, принимает «символ веры» как нечто само собой разумеющееся.

Широко распространено мнение, что Соединенные Штаты – это новая, молодая и постоянно меняющаяся страна, поэтому важно принять во внимание еще одну интересную особенность американского национализма. Американцы проявляют такую преданность политическим институтам и принципам своей страны, поскольку уверены в их давней неизменности – все они архаичнее и претерпели меньше изменений, чем в любом другом государстве мира. Так, с тех пор как в 1787 году была принята Конституция США, в большинстве стран мира произошли революционные институциональные преобразования. За истекшие два столетия даже британская политическая система претерпела гораздо более глубокие изменения, чем американская.

Изначальная политическая база институтов власти и основополагающие принципы, которые эти институты воплощают, еще древней. По словам Хантингтона, «основные элементы английской Конституции были вывезены в Новый Свет, там они пустили корни и зажили новой жизнью – именно тогда, когда на родине они были преданы забвению. Фактически они относились к эпохе Тюдоров, а значит, в большой степени носили средневековый характер... В свою очередь, институциональная структура, созданная в 1787 году, на удивление мало изменилась за 175 лет»¹⁷⁸.

Таким образом, Америка – отнюдь не «новое» государство и не «молодое»; в известном смысле Америка – самое старое государство в мире, хотя, разумеется, не самая старая страна. США – это «самая старая республика, самая старая демократия, самая старая федеративная система; у страны самая старая, старейшая, закреплённая в письменном виде Конституция и самые старые политические партии в прямом смысле этого слова»¹⁷⁹.

Эти американские институты ведут свое происхождение из Англии Средних веков и, что еще важнее, из Англии эпохи Тюдоров, то есть до расцвета централистских монархий континентальной Европы и централистской парламентской формы правления в Британии. Хантингтон связывает сохраняющуюся у американцев веру в изначальный и практически неизменный закон с традицией средневековой Англии: *nolumus mutare le ges Angliae* («Не желаем менять законы Англии») – так заявили бароны в долине Раннимед, когда они заставили короля Иоанна Безземельного принять Великую хартию вольностей. «Это старинное представление об изначальном законе, неподвластном людям, укоренилось еще прочнее, когда такой закон был отождествлен с Конституцией, закреплённой в письменном виде»¹⁸⁰. Вот какие архаичные убеждения и чувства наполняют внешне сухую, рационалистическую Конституцию США¹⁸¹.

Американский конституционный национализм имел непреходящее значение как в процессе ассимиляции на протяжении веков огромного числа иммигрантов, так и в фактическом превращении Америки из демократии «расы господ» в цивилизаторскую империю. Доктор Мартин Лютер Кинг-младший у Мемориала Линкольну 28 августа 1963 года заявил: «У меня есть мечта. Это мечта, корнями уходящая в американскую мечту. У меня есть мечта, что настанет день, когда наша нация воспрянет и дорастет до истинного смысла своей веры»¹⁸².

Таким образом, содержание американского «символа веры» имеет огромное значение для Америки и для всего человечества. История знает много примеров, когда ради своих национальных убеждений американцы не только шли на жертву ради своих соотечественников и ради всего человечества, но критиковали побуждения нации и улучшали институты власти и их деятельность. Это также помогает проводить различие между США как страной и преступлениями, совершенными из имперских побуждений, и, кроме того, принуждает США реже напрямую действовать как имперское государство, ибо заставляет проявлять хотя бы показное уважение к демократии и праву на самоопределение.

Можно сказать, что американские основополагающие принципы, как и демократия в Индии, насущно необходимы для Соединенных Штатов. Они очень важны для сплочения

весьма разрозненных, а иногда и категоричных в своих этических убеждениях социальных, культурных, религиозных и этнических групп населения Америки. Только конституционный национализм, основанный на «символе веры», и убежденность в ценности американских основополагающих принципов для Америки и всего человечества, пожалуй, и могут объединить пятидесятников из Техаса и геев из Сан-Франциско¹⁸³.

Американский «символ веры» и основанные на нем национальные институты власти составляют величайшую гордость нации и будут его величайшим наследием после того, как сами Соединенные Штаты уже исчезнут. Результаты деятельности американской экономики в долгосрочной перспективе могут оказаться неоднозначными и даже катастрофическими, но принципы, благодаря которым множество разных людей без принуждения живут вместе и благоденствуют на огромной земле, всегда будут положительным примером.

Восстановление непогрешимости

Несмотря на большие достоинства такого конституционного национализма и идеологического консенсуса, на котором он основан, в них кроется серьезная опасность. Вот что писал об этом Рейнгольд Нибур: «Ирония заключена в будто бы случайном соединении несовместимого, которое на поверку оказывается совсем не случайным... Главную опасность для нас в этическом отношении представляет собой не сознательный злой умысел или явная жажда власти. Основную опасность можно понять, только если осознать, что по иронии добродетель имеет склонность превращаться в порок, если слишком самодовольно ею руководствоваться, а власть может стать мелочной и придирчивой, если слишком уверенно полагаться на мудрость, которая ее направляет»¹⁸⁴.

Две из перечисленных выше опасностей в особенности характерны для Америки, по мнению американских историков и обозревателей: конформизм и мессианство. И то и другое, как правило, не проявляется открыто, их сдерживают традиционный американский эмпиризм, прагматичность и открытость обсуждения существующих проблем¹⁸⁵. Но в моменты, когда нация переживает тяжелую потерю и находится в состоянии шока, как, например, после событий 11 сентября 2001 года, действенность этих опасностей, как правило, возрастает. Под влиянием этих тенденций во многом и формируется реакция Америки на травмирующее общественную психику событие.

Обе эти тенденции опираются на комплекс распространенных мифов, укоренившихся так глубоко, что они срабатывают на уровне подсознания большинства американца. По сути дела, эти мифы не входят в основополагающие принципы или «символ веры», но делают эти убеждения такими эмоционально окрашенными. Кроме того, эти мифы подкрепляют идею о непогрешимости Америки¹⁸⁶. Вот как выразил эту мысль президент Джордж Буш: «Меня поражает такое непонимание того, что представляет собой наша страна, непонимание, доходящее до ненависти. Я, как и большинство американцев, просто не могу в это поверить, потому что я знаю, что мы – хорошие люди»¹⁸⁷.

Как говорится в выработанной администрацией Буша «Стратегии национальной безопасности 2002 года», «в настоящее время Соединенные Штаты обладают беспрецедентной военной мощью и огромным экономическим преимуществом. В полном соответствии с нашим наследием и принципами мы не используем эту мощь для получения односторонней выгоды. Вместо этого мы стремимся к созданию баланса сил, который служил бы на пользу свободы личности: таких условий, при которых любой народ или общество смогут осуществить выбор преимуществ, равно как и трудностей политической и экономической свободы»¹⁸⁸.

Вера в американскую непогрешимость, «первородную безгрешность», одновременно очень стара и очень сильна¹⁸⁹. Она играет чрезвычайно важную роль в укреплении американского национализма, а также в том, что американцы как народ все менее склонны прислушиваться к другим странам, которые они считают изначально греховными. Эта вера в национальную непогрешимость, как и все подобные убеждения, в значительной степени питает главный грех Америки – грех гордыни, который считается первым смертным грехом, а в средневековой католической теологии еще и изначально, от которого происходят все остальные грехи.

Этот миф возник у пуритан Новой Англии, или «янки», из идеи поселенцев о том, что они являются избранниками Божьими, возрожденными в Новом Свете и очищенными от скверны и грехов Англии и Европы. Позднее этот миф с энтузиазмом переняли благодарные беженцы из Европы и других регионов, спасаясь от преследований или войны у себя на родине¹⁹⁰. Достаточно рано он получил и европейское признание, когда в 1782 году во Франции американофил Гектор Сент-Джон (де Кревкер) провозгласил, что американец – это «Новый Человек», возродившийся, как говорил Руссо, в естественном состоянии в пустыне и очищенный, таким образом, от европейского прошлого¹⁹¹.

Белый Юг всегда с подозрительностью относился к этому мифу, поскольку его жители в нем видели причину (по их мнению) высокомерного, своевольного, лицемерного морализаторства янки, из-за которого Север осуждал Юг сначала за рабовладение, а потом за нарушение гражданских прав. В глубоком скептицизме южанина, потомка влиятельных семейств из Арканзаса, сенатора Уильяма Фулбрайта эта историческая позиция отчетливо ощущается, хоть и остается невысказанной. Фулбрайт возмущен мессианской глупостью, которая, по его мнению, помогла втянуть Соединенные Штаты в войну во Вьетнаме и в другие ненужные конфликты¹⁹². Подобное отношение проявляется и в постоянном скепсисе многих южных консервативных республиканцев в отношении призывов к «сплочению нации». Наряду с этим, однако, страстный американский национализм южных штатов также с течением времени привел своих последователей к такой вере в неповторимое величие и моральное превосходство своей страны в мире, что они всерьез стали считать, что Америка – просто «земля обетованная».

Как написал в 2003 году обозреватель-либерал Ричард Коэн, недоумевая, как могла Америка развязать войну против Ирака при наличии всяческих свидетельств, предостерегающих от этого, «[война в Ираке] была не просто провалом разведки. Она проявила недостатки [нашего национального] характера. Почему?.. Наконец, наше самодовольство – своего рода проявление американской исключительности, которое так раздражает неамериканцев. И лучшим примером всех этих качеств выступает Буш собственной персоной»¹⁹³.

В 1980 году Конон Круз О'Брайен процитировал журнал «Нью-Йорк», который сокрушался: «В семидесятых мы утратили нашу непогрешимость и впервые проиграли войну». О'Брайен написал по этому поводу:

«Не так уж сложно осознать, что была проиграна война, но вот осознание утраченной непогрешимости достойно уважения и восхищения. В шестидесятых в Алжире французы тоже проиграли войну (правда, не в первый раз), во многом таким же образом и по тем же причинам, что десять лет спустя США проиграли войну в Индокитае. Негативные обобщения, как правило, опасны, но я с уверенностью могу предположить, что в конце шестидесятых ни один француз не написал и ни один французский журнал не опубликовал утверждения о том, что Франция, проиграв ту войну, утратила свою непогрешимость... Однако американская непогрешимость – утраченная ли, сохраненная или восстановленная – не просто повод для слащаво-сентиментального зазнайства, это мощный и активный значимый фактор, который проявлялся на протяжении всей американской истории»¹⁹⁴.

Нежелание или неспособность американцев ставить под сомнение непогрешимость своей страны возвращает в народе общественный конформизм, о котором не раз писали многие обозреватели разных столетий. «Теоретически мы провозглашаем свободу мнений как часть нашего патриотического наследия, однако стоит только какому-нибудь американцу применить это принцип на практике, как другие американцы приходят в ужас... Неприятие инакомыслия – хорошо известная черта американского национального характера», – писал сенатор Фулбрайт¹⁹⁵.

Так, конечно, нельзя сказать о США в целом, и, безусловно, это не относится к американскому научному сообществу, но, по моему опыту, это верно в отношении основных фракций в политических, интеллектуальных и журналистских кругах в столице страны Вашингтоне, а также среди американских правящих элит. Токвиль (следует отметить, он был наиболее известным поклонником Америки в Европе) признался: «Я не знаю ни одной другой страны, где было бы так мало подлинной независимости духа и свободы обсуждения, как в Америке... Большинство создает очень серьезную преграду свободе слова: в пределах этих ограничений автор может написать все, что ему заблагорассудится, но он очень пожалеет, если рискнет выйти за их рамки»¹⁹⁶.

Это можно считать преувеличением, как и описание России времен Николая I, сделанное соотечественником и современником Токвиля маркизом де Кюстином. В конце концов, и в Америке на протяжении всей своей истории было немало известных диссидентов. Тем не менее сфера их критики была, как правило, более ограничена, чем во многих других развитых странах. Чаще всего она затрагивала лишь область культуры и искусства. Диссидентские настроения, которые возросли в 60-х и в начале 70-х годов XX века, не оказали по большей части значительного влияния на массы и не были приняты американским народом. Кроме того, в Соединенных Штатах инакомыслие может частично отождествляться с определенными региональными и национальными традициями, которые не разделяет весь американский народ в целом: «При всем показном уважении к культурным различиям американцам, кажется, чего-то не хватает, чтобы осознать отношения между группами, которые очень различны в культурном, социальном и экономическом отношении»¹⁹⁷.

Объединение идей Просвещения и протестантских религиозных воззрений времен первых переселенцев придало американскому «символу веры» и конституционному национализму огромную силу. Это прекрасно выразила Джулия Уорд Хау в своем «Боевом гимне Республики», в котором слилась воедино библейская и либеральная образность. Американская республика была в нем названа «Царством Божьим»¹⁹⁸.

В XX веке основное течение в протестантизме стало более либеральным и терпимым на большей части территории США (но, как мы увидим, не на Большом Юге), а расплывчатые формулировки «гражданской религии», отдаленно напоминающие протестантские догмы, в конце концов составили основу этого национального консенсуса. Эта «гражданская религия» своим подобием деизма обязана отцам-основателям республики, которые подчеркивали непреходящую важность религии для выживания республики, не уточняя при этом, какая именно религия это должна быть (хоть они, конечно, и подразумевали протестантство того или иного толка).

Часто цитируют следующие слова президента Эйзенхауэра: «Наше правление не будет иметь никакого смысла, если оно не будет основано на глубокой религиозной вере, а в чем она будет заключаться, мне безразлично»¹⁹⁹. Отождествление религии как важной гражданской добродетели и национализма еще больше усилилось впоследствии в ходе борьбы с «атеистическим коммунизмом»²⁰⁰. Эта неопределенная, объединяющая все конфессии, иудео-христианская религиозная культура, в свою очередь, вошла в состав некой американской «гражданской религии», как ее называют Уильям Херберг, Роберт Белла и другие. Эта

«религия» состоит из принципов американского «символа веры», а также из ряда исторических и культурных мифов об американской нации²⁰¹. «Гражданская религия» стала основным духовным базисом для современного американского конституционного национализма.

В одном учебнике по обществознанию для учеников четвертого класса (десятилетних детей), озаглавленном «Наш народ», в кратком виде изложены основные положения этой гражданской религии, в том числе использован принцип целенаправленного национального объединения. Учебник «начинается с описания главной национальной церемонии, инаугурации президента, и посещения Мемориала Линкольна и других исторических памятников в Вашингтоне. Все это, безусловно, нацелено на формирование чувства принадлежности к национальному сообществу. Первая глава завершается словами вымышленного персонажа: «Да, – сказала Мария, обращаясь к Педро, – это великая страна. Все мы – американцы»²⁰².

Конформизм идеологических установок частично отражает самоопределение большинства американцев как «среднего класса». В настоящее время это определение не имеет ничего общего с классом в экономическом смысле, оно значит «респектабельный», то есть прежде всего разделяющий определенный набор общих ценностей, в том числе американский «символ веры» и американский национализм.

Наследие 60-х годов XX века и старых радикальных традиций продолжает существовать на сегодняшний день в американских университетах, хоть в них довольно часто распространена собственная версия либерального конформизма. Более того, следует отметить, что эти мифы как по своему происхождению, так и по месту их нынешнего распространения главным образом мифы *белого населения*. Чернокожие американцы и американцы другого цвета кожи, которые желают влиться в истеблишмент США, должны поклоняться этим богам американской цивилизаторской империи, по крайней мере публично. Но, как отметил Ричард Хьюз, хоть чернокожие и исповедуют американский «символ веры», но каждый из окружающих «символ» мифов в этом плане выглядит очень иронично, если рассматривать ситуацию с точки зрения истории чернокожих или индейцев в Америке²⁰³.

Что касается официальной и полуофициальной обстановки в Вашингтоне, то могу засвидетельствовать, исходя из собственного опыта, что написанные в 50-х годах слова Луиса Харца, одного из величайших исследователей американского «символа веры» и его последствий, по-прежнему актуальны:

«Когда твои основные ценности повсеместно, куда бы ты ни пошел, тоже считают ценностями, без труда появляется доминирующий язык самоочевидности. Отсюда и происходит сознание своего превосходства в Америке – из спокойной уверенности в самоочевидности ее норм. Такое сознание своего превосходства – одно из самых мощных в мире... Оно всегда придавало такую уверенность в себе, что вряд стоило утруждаться ее формулированием. Собственное превосходство всегда казалось Америке таким незыблемым, что на этой твердыне основывался ее прагматизм, который она считала столь очевидным, что опровергать его просто не было смысла. Американский прагматизм всегда был обманчив, поскольку, как ледник, он зиждется на километрах ненадежной почвы глубокой убежденности, которой не дают проявиться. Но эта подавленная убежденность порождает дух конформизма, который неизменно приводит оппонентов в бешенство, ибо он не удостоивает их чести привести свои возражения»²⁰⁴.

Как следствие, зачастую даже к общепризнанным диссидентам относятся, по существу, как к шутам. Пусть позванивают своими бубенчиками или даже отваживаются разок треснуть демократического суверена по голове гремушкой и заявить ему, что он дурак. Монарх громко рассмеется и бросит им кость, но станет ли он их слушать? Часто, как король Лир, он прислушивается к словам шута слишком поздно, когда очевидные факты не оставляют ему никакого выбора и всякие советы уже бесполезны. Возможно, не стоит жаловаться.

Америка в нынешние времена не расправляется с инакомыслящими физически, да и, если уж на то пошло, шутовской колпак лучше, чем кандалы узника, не говоря уж о петле палача.

Этот конформизм несет в себе опасность как для свободы, так и для откровенного и честного обсуждения общественных проблем, особенно во времена войн и конфликтов, когда он усугубляется усилившимся национализмом. Особенно тревожно, когда конформизм сочетается с лояльностью и доверием, которое многие американцы во время обострения политической ситуации инстинктивно испытывают по отношению к своему президенту и его администрации, как это и было многие месяцы после 11 сентября 2001 года, когда большинство американских средств массовой информации проявляли почтение к администрации Буша²⁰⁵.

Еще одним следствием того, что обмен мнениями в стране происходит в строго ограниченных идеологических рамках, является придание определенным словам такой силы, которую У. Х. Оден в 1967 году назвал «черной магией» – силой, которая способна лишить аудиторию способности к самостоятельному мышлению: «Смертоноснее, чем праздное слово, бывает только использование слова в качестве черной магии... Для миллионов людей сегодня такие слова, как «коммунизм», «капитализм», «империализм», «мир», «свобода» и «демократия», перестали быть словами, о смысле которых можно задуматься или затеять дискуссию, а стали правильными или неправильными звуковыми раздражителями, на которые следует реакция, произвольная, как коленный рефлекс»²⁰⁶.

Когда президент Эйзенхауэр в своей инаугурационной речи в 1952 году заявил, что «свобода борется с рабством, свет – с тьмой», он, конечно, говорил верные слова о сталинском коммунизме. Но тем самым он также вызвал у американцев дух собственного превосходства, о чем позже сам же, видимо, и пожалел²⁰⁷. Пожалуй, и другим известным людям, возносившим в свое время хвалы американскому мессианству, позже приходилось раскаяться в этом. Это произошло с Германом Мелвиллом (стихотворение «Кларел»), Уолтом Уитменом, а также с Рейнгольдом Нибуром, который был автором фразы о «сыновьях света и сыновьях тьмы», призывавшей сражаться против тоталитаризма во время Второй мировой войны, но позже стал одним из самых острых критиков американского высокомерия, мифотворчества и самообмана²⁰⁸.

Широко обсуждалось, как администрация Буша использовала слова «терроризм» и «зло» после 11 сентября и как это отчасти помешало провести осмысленное обсуждение американской политики. Но то же самое можно сказать и о том, как Буш и его администрация использовали слово «свобода» – только применительно к Соединенным Штатам и к американской политике на Ближнем Востоке. Администрация Буша составила заклинания своей риторики из основных элементов американской идеологии. Под эти заклинания они, поигрывая на дудочке, как знаменитый крысолов из сказки, на некоторое время увлекли за собой большую часть нации. Но ситуация в послевоенном Ираке рассеяла магию их заклинаний.

Историк американского Юга и политический мыслитель К. Ванн Вудворд написал во время войны во Вьетнаме строки, посвященные этому вопросу, которые остаются актуальными и сегодня: «Америке свойственно решать проблему тех или иных зарубежных и отечественных загадок, которые противоречат нашим национальным мифам, не путем отказа от этих мифов, но путем их утверждения. Поиск решений идет традиционными способами... Какими бы ни были различия и вражда, которые разделяют сторонников и противников (а они, по общему признанию, значительны), обе стороны, очевидно, остаются по большей части непоколебимы в своей приверженности к тому или иному мифу или ко всем общим национальным мифам сразу»²⁰⁹.

Может показаться удивительным, что эти слова все еще так справедливы десятилетия спустя, учитывая те ужасные уроки, которые мы должны были извлечь из опыта войны во

Вьетнаме. Как и во многих других лучших литературных и кинематографических работах, посвященных Вьетнамской войне, в фильме режиссера Фрэнсиса Форда Копполы «Апокалипсис сегодня» (1979) ставятся под сомнение общественные националистические мифы США, в том числе миф о ее неизбежной победе, ее непогрешимости, добронамеренности и ее национальной миссии. Вот как говорит главный герой фильма капитан Уиллард (Мартин Шин) о своем боевом задании: «Я хотел, чтобы мне поставили боевую задачу, и за мои преступления мне ее поставили... Во время ее выполнения мне пришлось сделать настоящий выбор. А когда все было позади, я бы ни за что не согласился пройти через это снова»²¹⁰. В то время подавляющее большинство американцев согласилось бы с этим выводом. Четверть века спустя иногда кажется, как будто весь этот период истории был стерт из памяти американского общества. Как с горечью писала Лорен Барриц в 1985 году в своей книге в главе под названием «Американская колыбельная», «наша сила, самодовольство, жесткость и невежество помешали нам включить опыт, приобретенный во Вьетнамской войне, в свои представления о себе и о мире... На один короткий миг, в конце 1970-х годов, показалось, что у нас появились некоторые сомнения по поводу наших международных и духовных принципов. Появилась надежда, что мы сможем найти в себе силы и мудрость, чтобы подумать не только о Вьетнаме, но и о себе. Но если нет сомнений, то и думать незачем. «Эпоха сомнений в себе закончилась», – заверил кадетов Военной академии в Вест-Пойнте президент Рейган. Освободившись от сомнений, мы освобождаемся от мысли. Многим американцам так, кажется, намного лучше»²¹¹.

Но это первое впечатление тем не менее не совсем соответствует истине. Некоторые горькие уроки Вьетнама глубоко проникли в американское общественное сознание. В 2003–2004 годах кровь и хаос последствий победы в Ираке оживили их. Однако за те два года, которые прошли после 11 сентября 2001 года, они были в значительной степени стерты подъемом основанного на мифах национализма, с которым было очень трудно спорить. Воспоминания о Вьетнаме находились под спудом не очень долго, но этого времени было достаточно, чтобы втянуть Америку в войну в Ираке²¹².

Решающее значение для понимания того, как Америка поступила с наследием Вьетнама, как это отражается на США в настоящее время и как отразится в будущем, имеет такая политическая фигура, как Рональд Рейган²¹³. С одной стороны, внешняя политика Рейгана показала, что он и большинство членов его администрации были полны решимости не вступать ни в какие серьезные конфликты, понимая, с каким осуждением большинство американцев отнесется к ведению широкомасштабной войны. Так что в корне неверно считать Рейгана поджигателем войны, как это обычно делают политики левого толка²¹⁴.

Ключевой особенностью администрации Рейгана, как и американских правящих кругов, сил безопасности и военно-промышленного комплекса, как это будет показано в главе пятой, является стремление быть «милитаристами, но не агрессорами». В своей риторике Рейган как «великий переговорщик» был, однако, превосходным реставратором основных мифов американского национализма, утративших свой прежний блеск после Вьетнамской войны. Без сомнения, это случилось так еще и потому, что он сам в них беззаветно верил, особенно в непогрешимость Америки, в то, что Америка готова творить добро и является средоточием человеческой свободы и прогресса. Он «искренне и твердо верил в миф об американской исключительности»²¹⁵. Как превосходно сказал Гарри Уиллис, Рейган был «демагогом, просто пустышкой для черни»²¹⁶.

«Микстура», которой Рейган потчевал нацию, превосходно подбадривала американцев, которые тяжело переживали и поражение во Вьетнаме, и жесткие политические разногласия в стране, и Уотергейтский скандал, и иранской кризис с заложниками. Но самым важным ингредиентом этой «микстуры», по словам Вудворда, стало «утверждение» Рейга-

ном национальных мифов Америки. Он смог так осуществить это, что не только подбодрил, но объединил большинство американцев. Добродушие Рейгана, его актерское мастерство, а также то, что он искренне отождествлял себя со своей страной и земляками, помогли ему сделать больше для объединения народа, чем это удалось Джорджу Бушу, который предложил американцам ту же «микстуру», но в значительно более резкой форме.

В своей блестящей статье 1982 года «Ремонт и техобслуживание общественных мифов» (The Care and Repair of Public Myth) Уильям Х. Макнейл рассмотрел классические американские мифы о превосходстве и доброжелательности и отметил, что «сегодня никто, пожалуй, не сможет вновь утвердить эти дискредитированные понятия, несмотря на то что общественная риторика часто намекает на их существование, не говоря об этом напрямую. У политиков и журналистов выбор, и в самом деле, невелик, так как бросается в глаза отсутствие должным образом переработанных и восстановленных национальных и международных мифов»²¹⁷.

Этот отрывок дает представление о том, за что должен нести полную ответственность Рейган, да и, по сути, те, кто голосовал за него. В конце концов, они избрали его отчасти именно потому, что ему так хорошо удавалось восстанавливать их мифы о своей стране, в том числе и веру в то, что война во Вьетнаме была благородным крестовым походом²¹⁸. В результате, хоть американцы интуитивно и понимают, что вьетнамский тяжелый опыт не следует повторять ни в коем случае, они, по сути дела, не извлекли из этого опыта никаких более серьезных уроков. Именно поэтому в наше время и оказалось возможным «вновь утвердить эти дискредитированные понятия».

Одна из причин заключается в том, что, хотя война во Вьетнаме была ужасным опытом для тех американцев, которые там воевали, их было не так уж и много. Кроме того, как уже отмечалось выше, в отличие от европейских и азиатских войн, а также в отличие от вьетнамцев в этом отношении, на американцев у себя в стране война фактически не повлияла: «Ощутимых последствий катастрофы в Юго-Восточной Азии для большинства американцев, кажется, практически не было»²¹⁹. Этого личного опыта участия в войне, безусловно, не было ни у самого Рейгана, ни у Джорджа Буша и остальных членов его администрации (2000–2004 года). Хотя все они были призывного возраста во время войны во Вьетнаме, но по каким-то причинам не служили.

С другой стороны, однако, боль, причиненная войной во Вьетнаме, была слишком глубокой, чтобы о ней говорить только на таком уровне (ни больше ни меньше): «гибель национального бога» и национальной религии американской непогрешимости, добропорядочности и дарованного Богом успеха. У американцев в глубине души, на подсознательном уровне, существовало опасение, что без этих верований и сам конституционный национализм США также может увянуть и скончаться. Таким образом, следовало подобрать и восстановить по кусочкам низвергнутое национальное божество и вновь воздвигнуть его на пьедестал²²⁰.

Интересно, что и Макнейл в своем эссе и Джон Гельман в своем увлекательном исследовании американских литературных и кинематографических подходов к проблеме Вьетнамской войны призывают переформулировать американские мифы на новой основе: более прогрессивной, честной и нравственно смелой. Ни один из них, однако, не предполагает попытки обойтись вовсе без национальных мифов²²¹. Очевидный поствьетнамский вестерн «Джози Уэйлс – человек вне закона» (1976 год, режиссер и исполнитель главной роли – Клинт Иствуд) также можно рассматривать как попытку залечить раны войны, соединив голливудские западные традиции с новыми духовными и социальными отношениями, чтобы создать более гуманную, открытую и поликультурную американскую мифологию²²².

Конформизм и политкорректность: невежество – это миф

Возможно, такое многонациональное общество, как Америка, имеющее такое резкую культурную разнородность населения (причем ее многонациональность постоянно растет как за счет продолжающегося процесса иммиграции, так и созидательных и разрушительных скачкообразных изменений в капиталистических характеристиках общества), на самом деле не может существовать без общераспространенных мифов и основанного на них мощного конституционного национализма. Таким образом, даже когда были подавлены воспоминания о Вьетнаме, другие процессы в американском обществе и культуре способствовали распространению смягченных, бесконфликтных, имеющих наименьший общий культурологический знаменатель вариантов американских националистических мифов и истории. Основанием для этих вариантов стало проецирование современной формы американского «символа веры» на ее прежние формы²²³.

Любопытно, что можно провести параллели между присущим Рейгану стилем и некоторыми явлениями, на первый взгляд совершенно чуждыми ему: «политкорректностью» в отношении научных кругов, придерживающихся левых взглядов, и представителей расовых и этнических меньшинств, особенно на этапе школьного обучения. Первоначально предполагалось, что это должно было исправить предрассудки, которые нашли отражение в уничижительной и презрительной лексике, которую так долго применяли к ряду меньшинств в стране, тем самым оскорбляя эту часть населения. В этом вопросе политическое движение за корректность в значительной степени преуспело, правда, лишь в контексте гораздо более широких изменений в обществе и культуре. Успех этого движения сам по себе уже – большое достижение, особенно если вспомнить, какие отвратительные расистские высказывания были характерны для Америки в прошлом, и не только высказывания – действия, к которым они призывали.

Проблема, однако, заключается в том, что картина, которая была в результате представлена школьникам, как правило, соответствовала националистическим мифам об Америке как непогрешимом, счастливом, свободном от конфликтов обществе и призывала распространять американские основополагающие принципы в самом простом и самом доступном виде. Если взглянуть на подборку фотографий в школьных учебниках о Соединенных Штатах, сделанную Фрэнсис Фицджеральд, то вырисовывалась следующая картина вполне в советском стиле:

«Отношение к европейским меньшинствам значительно более реалистично, чем к неевропейским меньшинствам, чувства которых издатели всячески стараются ничем не задеть. На фотографиях в текстах, предназначенных для широкого пользования, редко можно увидеть человека не белого цвета кожи, с которым бы грубо и жестоко обращались, или изображенного грязным или даже бедным, если только фотография не иллюстрирует именно «очаги бедности в Америке»... Большинство людей на этих фотографиях улыбаются. Можно увидеть фотографии сельскохозяйственных рабочих – чиканос (латиноамериканское население Юга США. – *Прим. переводчика*), и все рабочие обязательно чистые, опрятные и выглядят так, будто они работают с большим удовольствием. Они с улыбкой смотрят на Сезара Чавеса. Пуэрториканцы выглядят улыбчивыми и здоровыми. Китайцы улыбаются, стоя у лотков с рядами овощей и фруктов – основы здорового питания. Да, в общем-то, старательно и настойчиво улыбаются буквально все, так что можно даже подумать, что все небелые люди в Соединенных Штатах принимают какие-то специальные пилюли счастья. (Русские, напротив, кажутся очень мрачными. Изображать их мрачными принято со времен пятидесятых годов, когда группа правых организаций устроила большую шумиху из-за фотографии улыбающихся русских детей.) Не только радикально настроен-

ные, но и прогрессивно мыслящие люди склонны считать, что школы должны представить мир, или страну, в идеализированном виде. Цензура школьных учебников, следовательно, просто обратная сторона потребности в том, чтобы книги изображали мир как утопию вечного настоящего»²²⁴.

Диана Равич пишет о нападках, которым был подвергнут американский учебник по истории, написанный Гэри Б. Нэшем, историком с безупречными прогрессивными взглядами. В конце 1980-х годов представители левых и национальных меньшинств обвинили его в том, этот учебник «антинегритянский, антисемитский, антимусульманский, «антииндейский», антигомосексуалистский и антихристианский»²²⁵.

Несколько лет спустя, в середине 1990-х годов, профессор Нэш и его коллеги опять попали под жестокую критику, теперь уже со стороны правых националистов (вновь с Линн Чейни), за работу по подготовке предложений для новых стандартов по отечественной истории для школьного уровня, в которых ученые якобы не уделяли внимания героям Америки, ставили под сомнение американские мифы и подрывали американский патриотизм. Ранее, в 1994–1995 годах, эти критики почти в том же составе заставили Смитсоновский институт в Вашингтоне закрыть выставку, на которой были представлены результаты атомной бомбардировки Хиросимы, а также вынудили директора Музея авиации и космонавтики уйти со своего поста²²⁶.

Эта тенденция изображать Америку только вежливо-патриотически – Америку «безымянных преступлений» и «конфликтов, не имеющих последствий», как выразилась Фицджеральд, имеет давние корни²²⁷. Ее исследование улыбающейся Америки было впервые опубликовано в 1979 году, но британский журналист Эндрю Гамбел испытал то же чувство в 2003 году, когда его сын впервые пошел в школу в Калифорнии. Его статью стоит процитировать более подробно, так как в ней проявилась реакция политически нейтрального гражданина из страны, которая является стратегическим союзником Соединенных Штатов среди англоговорящих стран, реакция человека, потрясенного поведением, которое большинство американцев воспринимают как должное:

«Даже по прошествии пяти лет в Соединенных Штатах меня по-прежнему удивляет вездесущность патриотического конформизма... Когда на карту поставлено образование моего сына, я не могу не думать о связи между тем, что преподают детям в возрасте шести лет, и тем, что взрослые американцы знают в конечном итоге и как в целом они воспринимают мир. В неповторимом американском идеализме многое вызывает восхищение. Идеализм – движущий принцип американского общества, которое питает непоколебимую веру в конституционные принципы свободы и безграничных возможностей. Слишком часто, однако, идеализм становится этакой дымовой завесой, скрывающей неприятную реальность Соединенных Штатов и методы распространения американского экономического, политического и военного влияния по всему миру. Детям с самого начала школьного образования предлагается поверить в некую «дружную команду Америки», самые распространенные лозунги которой такие: мы – хорошие ребята; мы всегда стремимся поступать правильно; мы живем в самой большой стране в мире. Всерьез не рассматривается никакая другая точка зрения или другое культурное воззрение [так в оригинале]...

Манипуляция образованием теперь ведется более тонко и, возможно, более коварно, чем 50 лет назад, в разгар холодной войны и великой «красной угрозы». В те времена борьба за сердца и умы шла по пути простого запрета на определенные книги и темы, которые шли вразрез с политически корректными трактовками. Но... в наши дни речь больше не идет о запрете книг, даже если это все происходит в некоторых центральных частях страны, где доминируют правые христиане, в наши дни это принимает, скорее, вид системного конформизма. Раньше считалось, что увлеченный учитель может преодолеть недостатки слишком

поверхностно составленных учебников и шоры административного безумия. Но в настоящее время учебная программа гораздо более четко определена и стандартизирована... [и учителям] фактически приходится соглашаться с содержанием учебников, в которых говорится, что всякие исторические противоречия теперь урегулированы и их можно свести к нескольким почти бессмысленным успокоительным строчкам слащавых аналитических выводов»²²⁸.

Гамбел приводит пример песенки для начальных классов школы, которую заучивал его сын:

Америка, я люблю тебя!
Отовсюду, из различных стран
Ты принимаешь людей всех рас
И на своей земле их расселяешь...
Их берешь под свое крыло.
Голосование – вот защита для народа,
И законы, которые они сами определяют.
Это ваши законы и мои законы,
Они для вашего блага и моего блага.
Вот откуда сила этой страны²²⁹.

Эти слова могли бы вызвать скрежет зубовный у чернокожих или индейцев, которые еще не забыли свои исторические корни, но, как пишет Гамбел, большинство американских детей воспринимают это как нечто само собой разумеющееся. Данной националистической тенденции на руку, что изучение истории, как и культуры в целом, находится в большом упадке (который, безусловно, отмечается не только в США). Как результат, знания американцев о мире и об истории своей страны за последние 60 лет не снизились, но и не поднялись с того плачевного уровня, на котором они находились шесть десятилетий назад. В 2001 году 57 процентов американских учащихся средней школы получили оценки «неудовлетворительно» по истории, и только 11 процентов были оценены на «хорошо» и «отлично»²³⁰. Для многих людей это означает полное невежество, однако это исключено для общества в целом, и требуется выработка каких-то основных культурных принципов для того, чтобы исправить данную ситуацию. Отсутствие знаний по истории для Америки в целом не означает невежество, оно означает наличие мифа.

Майкл Линд убедительно доказал, что сочетание политической корректности с системой (в очень ограниченном объеме и выборочно) позитивной дискриминации меньшинств фактически служит интересам того, что он называет «элитой» (или «надклассом»). Эта элита/надкласс состоит преимущественно из белых американцев, скорее даже белых англосаксонских протестантов, но включает также небольшое количество избранных представителей чернокожего населения и других национальностей. Она отвлекает энергию радикалов на, по сути, бессмысленную борьбу с символами и от конкретных межрасовых проблем, таких, как иммиграционные ограничения или повышение минимальной заработной платы, которые по-настоящему могли бы помочь рядовым представителям расовых меньшинств, которые в большинстве своем остаются заметно беднее, чем белое население Америки²³¹.

Такая политкорректность является не просто результатом того, что научные круги, с одной стороны, заметно полевели в своих политических взглядах, а с другой – сталкиваются с новыми правыми радикалами. В ней отразились также глубокие изменения в американском обществе со времен 1960-х годов, а именно: превращение чернокожего населения в серьезную политическую силу и возобновление массовой иммиграции без расовых ограничений.

И американцам разных политических взглядов пришлось реагировать на появление этого нового общества, которое сложилось в результате таких изменений.

Говоря иначе, не только официальная американская патриотическая пропаганда, но и наглядная агитация правых националистов и христиан в целом сознательно многонациональна по характеру (патриотический букварь, составленный под руководством Линн Чейни, полон рисунков маленьких афроамериканцев и американцев азиатского происхождения, размахивающих американскими флагами и играющими в солдат)²³². Справедливости ради можно, пожалуй, сказать, что Америка нынешнего поколения стала настолько сложна [в демографическом и этнокультурном отношении], что ее система образования до какой-то степени просто *вынуждена* вернуться к упрощенным мифам, потому что вести обучение или обсуждение реальности такой, как она есть, фактически невозможно.

Эта связь между разнообразием и конформизмом не только произвольна, но и вполне осознана. Американская общественная культура так пронизана духом конформизма именно потому, что нация крайне разнородна, а также потому, что история существования в Америке не основных рас и народов крайне тяжела и тягостна. В этом смысле политкорректность можно рассматривать как проявление того, о чем признанный аналитик национализма Эрнест Ренан (1823–1892) сказал, затрагивая вопрос создания современных наций: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности... Сущность нации именно в том, чтобы все индивидуумы имели много общего, чтобы все они многое позабыли»²³³.

Именно потому, что очень многие отдельные люди и группы людей, составляющие современную Америку, на самом деле имеют очень мало общего для того, чтобы стать нацией, американцам больше, чем другим народам, может понадобиться умение предать прошлое забвению. Пример, который привел Ренан, был из истории Франции времен религиозных войн. Но он мог бы привести пример и из истории Франции после Второй мировой войны, мог бы использовать и пример отношения к памяти о немецкой оккупации и о Виши. Идея о необходимости что-то забыть, чтобы создать нацию, еще более справедлива в отношении прошлого расового угнетения в Соединенных Штатах. В этом смысле можно сказать, что американцев «сплотила только идея» – так же, как и когда-то советских граждан. К счастью, идеи американского конституционного национализма имеют гораздо более позитивный и ценный смысл, чем идеи советского коммунизма. Однако это не значит, что их можно смело ставить под сомнение, не нарушая устойчивости всей конструкции. Заложенный в этих идеях принцип превосходства, в свою очередь, влияет на характер самой идеологии американской внешней политики. В этой связи даже очень образованным и информированным американцам весьма трудно сформировать непредвзятое и объективное представление об этой политике, поскольку это может привести к рискованному подрыву связей, объединяющих разнородных американцев на внутривнутриполитическом уровне²³⁴.

Мессианство как образец постоянства и изменчивости

Американский «символ веры», или идеология в американской культуре, имеет настолько всеобъемлющее действие, что под его влиянием даже Генри Киссинджер, не слишком большой идеалист, написал: «Отказ от истории возвеличивает образ человека вселенной, живущего вселенскими принципами, независимо от прошлого, географии или других неизменных обстоятельств... Американцы не желают терпеть пути истории и настойчиво стремятся к возможности непрерывного обновления: это придает большое достоинство, даже красоту, американскому образу жизни. Народ боится, что те, кто одержим

историей, навлекают на себя исполнение собственных пророчеств. И страх этот на самом деле воплощает в себе большую народную мудрость»²³⁵.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.